

I 1994574

ПЕРМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
ТВОРЧЕСКИЙ ЦЕНТР

А. ЧЕРНЫХ

БУЙСКИЕ УДМУРТЫ



ПЕРМЬ

3 TWO T. 2 MTH. 3. 1993-86

А. В. ЧЕРНЫХ

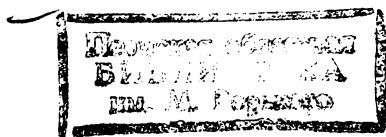
БУЙСКИЕ УДМУРТЫ

Этнографический очерк

Пермский областной творческий центр
Пермь, 1995 г.

Вторая книга серии “Народы Прикамья”. Первая была посвящена язывским пермякам.

Т 1994574



454-95

© Пермский областной творческий
центр, 1996 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Удмурты - один из народов, населяющих северо-западное Прикамье. По языку они принадлежат к пермской ветви финно-угорских языков. Происхождение слова “удмурт” исследователи объясняют по-разному. “Мурт” - это индоевропейская основа, означающая “человек”, “муж”, “мужчина”. “Уд” переводят как “всходы на лугах, зеленые побеги”. Другие полагают, что этноним “удмурт” можно прямо связывать с названием реки Вятки. “Ватмурт” означал - “человек с реки Вятки”¹. До революции общепринятым было название “вотyak”.

В пределах Советского Союза по переписи 1989 года проживало 746,8 тысяч удмуртов. Большинство из них (496,5 тысяч) живут в Удмуртской республике². Но исторически сложилось так, что отдельные группы удмуртов оказались расселены довольно далеко от основной территории. Это слободские и унинские удмурты Кировской области, карлыганские - Марийской республики, кукморские, балтасинские и бавлинские - Татарстана, янаульские и татышлинские - Башкортостана, куединские - Пермской области, красноуфимские - Свердловской области, бирилюсские Красноярского края, тигинские - Томской области³.

Об одной из этих групп - удмуртах, проживающих в Куединском районе Пермской области, и пойдет здесь речь.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Интерес к истории и культуре буйских удмуртов по-настоящему проявился только во второй половине XIX века, хотя еще у Н. С. Попова в книге “Хозяйственное описание Пермской губернии” 1804 года можно найти упоминание об удмуртах Осинского уезда⁴.

В 1884 году после окончания Казанского университета, в село Аряж приехал врач Н. И. Тезяков. Аряжская волость находилась по соседству с удмуртскими деревнями Больше-Гондырской волости Осинского уезда. Аряжский медучасток был один на всю округу, поэтому Тезяков не раз бывал в удмуртских деревнях по долгу службы. Свои наблюдения над обычаями их жителей он опубликовал в ряде статей и книге, которые стали первыми крупными публикациями о куединских удмуртах⁵.

В 1903 году свои исследования праздников и молений больше-гондырских удмуртов обнародовал И. В. Яковлев⁶.

Изучением особенностей языка удмуртов Закамья занимался Р. Ш. Насибуллин. Результатом многолетней работы стала диссертация “Закамские говоры удмуртского языка” 1969 года⁷.

В советское время, особенно активно с 70-х годов, исследования куединских удмуртов проводят Удмуртский государственный университет и Институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. Ими изучаются особенности быта, хозяйства, языка, обычаи и обряды. Материалы этих исследований частично отражены в многочисленных статьях М. Г. Атаманова и В. Е. Владыкина⁸.

Недавно к изучению проблем, связанных с историей, этнографией и фольклористикой буйских удмуртов, подключились Пермский государственный университет и Пермский областной краеведческий музей⁹.

На протяжении многих лет эту тему разрабатывали краеведы Куединского района. Богатый материал по истории села Большой Гондырь и других деревень, по истории Больше-Гондырской школы собрал ее бывший директор В. К. Никитин. История села Кирга хранится в архивах Н. И. Фазиулина. История деревни Гожан отражена в рукописях М. Делетбаева.

Не так давно в селе Большой Гондырь был образован Культурный центр куединских удмуртов (председатель Т. Меньшарапов). Центр занимается организацией праздников, молений, изучает историю и культуру своего народа.

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ

Заселение удмуртами земель нынешнего Куединского района началось в XVI веке, когда после присоединения Казанского ханства к Русскому государству многие из народов бывшего ханства стали переселяться на земли, принадлежавшие башкирам. Переселение было вызвано недовольствами, связанными с распространением крепостного права и насильственным крещением. Переезжали удмурты в основном из бассейнов рек Кильмезь, Вала, Тойма, Иж, Умяк. Предания об этих событиях можно услышать от них и сегодня.

Первое упоминание об удмуртах - переселенцах Закамья встречается в царской грамоте 1572 года, повелевающей Строгановым посылать ратных людей для подавления взбунтовавшихся марийцев и присоединившихся к ним башкир, хантов и удмуртов¹⁰.

Первое упоминание об удмуртских деревнях Большой Гондырь, Барабан, Кирга относится к 1673 году (этим годом датируется известие об уплате их жителями ясака в казну¹¹). Первоначально удмурты, живя на башкирской земле, платили кроме ясака в государеву казну оброк за землю башкирам. Но несмотря на это башкиры не раз нападали на удмуртские деревни, разоряя их¹². Не единожды жаловались царю ясашные удмурты на набеги башкир¹³. И только в 1737 году императрица Анна Иоанновна пожаловала им земли по реке Буй в вечное и безоборочное пользование¹⁴.

Историческим культурным и административным центром буйских удмуртов являлось село Большой Гондырь. В 60-х годах прошлого века оно стало центром вновь образованной Больше-Гондырской волости, входившей в Осинский уезд Пермской губернии. В селе стали проводиться еженедельные базары, весенняя и осенняя ярмарки. В конце XIX века в нем построили мусульманскую мечеть, православную церковь Петра и Павла.

В XIX веке в Больше-Гондырской волости было десять удмуртских деревень: Большой, Малый и Верхний Гондырь, Кипчак, Барабан, Кирга, Урада, Ошья, Гожан, Шагирт. Но в начале XX века стали появляться новые поселения-выселки. До первой мировой войны образовался выселок из деревни Гожан - Новый Гожан. Особенно активно этот процесс проходил в конце двадцатых годов, что было обусловлено коллективизацией: в 1928 году выходцы из деревни Кипчак основали выселки Союз, Кенеш, Вскоды; из Барабана в этом же году образовались выселки Вильгурт и Юдаш; из Верхнего Гондыря - Позрес и Зяндыбай. Сейчас из этих выселков существуют только два - Союз и Вильгурт.

РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ

В настоящее время удмурты Куединского района проживают в трех сельсоветах: Больше-Гондырском (с. Большой Гондырь, д. Малый Гондырь, д. Верхний Гондырь, д. Кипчак, д. Союз, д. Вильгурт, д. Барабан, ст. Рабак), Киргинском (с. Кирга), Старошагиртском (с. Старый Шагирт, д. Удмурт-Шагирт, д. Новый Шагирт, д. Гожан), а также в небольшом количестве - в других сельсоветах района. Перечисленные населенные пункты в основном однонациональные. В с. Старый Шагирт удмурты проживают совместно с русскими, а в с. Большой Гондырь и в д. Верхний Гондырь - с татарами.

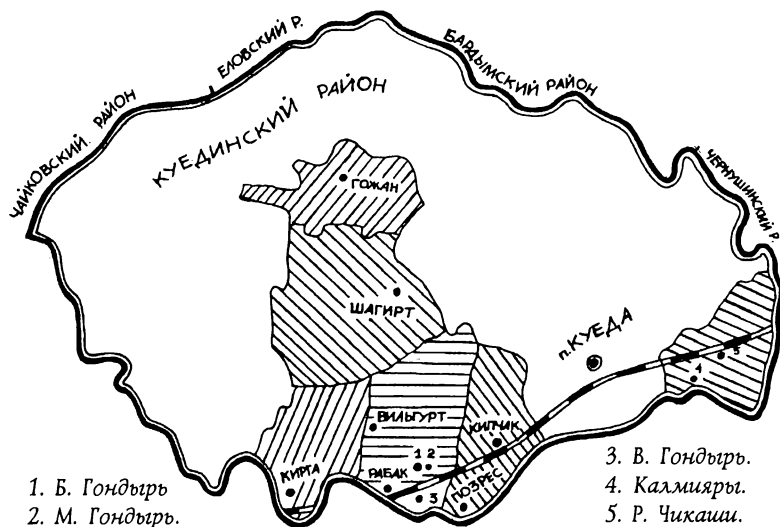


Рис.1 Карта расселения удмуртов в Куединском районе на 1992 г.

По ревизии 1815 года буйских удмуртов насчитывалось около 1500, а в 1833 году - 2060¹⁵ человек. В 1888 году в Больше-Гондырской волости проживало 5645¹⁶ удмуртов, из них в деревнях, относящихся сейчас к Куединскому району - 4304. По переписи 1989 года в Куединском районе - 5842 удмурта, что составляет 17,7% от числа всего населения района. Наибольшей численности жители удмуртских деревень достигли в 1959 году - 8440¹⁷ человек. Прирост в XIX - первой половине XX в. происходил только за счет внутреннего воспроизводства. Уменьшение удмуртского населения, начиная с 60-х годов, происходит на фоне уменьшения всего населения района. Основной поток миграции идет в города Пермской, Свердловской области и Удмуртии, в частности - в Ижевск, Сарапул, Свердловск, Пермь, Чернушку.

Каждое поселение куединских удмуртов расположено на небольшой речке, впадающей в Буй. Около Буя предпочитали не селиться, так как весной разливом реки затопляются все окрестности. Этническая группа занимает компактную территорию на юге района, что облегчает контакты между деревнями. На праздник в какой-либо деревне гости приезжают со всей округи.

Соседи куединских удмуртов на юге - это башкиры, прибельские марийцы¹⁸, янаульские и татышлинские удмурты Башкортостана. На севере, западе и востоке - русские, православные и старообрядцы Куединского района Пермской области. Иноэтническое окружение наложило огромный отпечаток на историю и культуру буйских удмуртов, сформировало определенное своеобразие этой этнической группы.

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Куединские удмурты в отличие от соплеменников, живущих в республике Удмуртия, считают себя "настоящими", некрещеными удмуртами, сохранившими древнюю языческую религию предков. За длительный период отдельного проживания здесь сформировался своеобразный диалект удмуртского языка, который также разнит куединцев с остальными удмуртами. Отличия прослеживаются и в быте, хозяйстве, обычаях и обрядах. Жители здешних деревень скажут вам, что их костюм не похож на костюмы других удмуртов. Все это и позволяет говорить о куединских удмуртах как об обособленной этнической группе. Но в то же время они осознают себя частью большого удмуртского этноса. На общее указывают элементы одежды, язык, представления о мире, обряды и праздники, которые, по большому счету, у всех удмуртов одинаковы.

Многое объединяет куединских удмуртов с татышлинскими и янаульскими удмуртами Башкортостана. Но прошлое и нынешнее территориальное разъединение (татышлинские и янаульские удмурты входили не в Пермскую губернию, а в Бирский уезд Уфимской губернии) привело к большей или меньшей обособленности данных групп друг от друга.

Длительное проживание в близости с другими народами - марийцами, русскими, башкирами - и активные контакты с ними привели к заимствованию буйскими удмуртами элементов культуры соседей.

Так, в языке куединских удмуртов много башкирских слов. Многие жители знают башкирский язык. "Постоянные контакты сблизили два народа. Жилище удмурта не отличается от башкирского. Малая разница в костюме, песни тоже заимствованы у башкир. Но оставаясь в язычестве, закамские удмурты не слились с башкирами-магометанами", - так писал в конце XIX века Н. И. Тезяков¹⁹. Когда мы ближе познакомимся с костюмом, жилищем удмуртов, то действительно найдем много общего с башкирами. Но сохраняется немало и собственно удмуртского, и таких черт все-таки больше.

С начала XIX века край стали заселять русские. Постепенно удмурты знакомятся и с русской культурой, появляются православные миссионеры. Но в XIX веке русское влияние было слабее башкирского. Русский язык широко распространяется лишь в советское время, сейчас его знает подавляющее большинство удмуртов. Распространяются советские праздники и образ жизни. Но несмотря на все влияния буйские удмурты сохраняют свою самобытность. Причем их культурная жизнь в настоящее время активизируется: проводятся многочисленные праздники и фестивали, поддерживается связь с Пермью и Ижевском.

ОБРАЗОВАНИЕ

Первая школа Больше-Гондырской волости была открыта в 1873 году в селе Большой Гондырь Пермским миссионерским обществом²⁰. Число учащихся в ней доходило до шестидесяти человек. Этим же обществом в 1886 году в д. Сухая Кырга была открыта вторая школа²¹. Удмурты охотно отдавали детей в эти школы, так как преподавание велось на родном языке. В 1895 году открылась миссионерская школа в Кипчаке, в которой обучалось более сорока детей²². По данным Осинского земства в 1916 году в Больше-Гондырской волости было: двухклассное земское училище в Б. Гондыре, земские начальные училища в Барабане, Б. Гондыре, Ураде, Гожане, Кипчаке, Сухой Кырге, Шагирте²³, то есть практически во всех деревнях волости, населенных удмуртами.

Сейчас преподавание в школах удмуртских деревень идет на русском языке. Родной язык изучается как предмет в Кипчакской, Киргинской неполных средних школах и частично в некоторых начальных школах. Остальные же школы не имеют этого предмета. Главной проблемой является нехватка кадров для преподавания удмуртского языка.

БЫТ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Удмуртскую деревню еще издали можно узнать по высоким кронам верб и тополей. Деревья здесь любят, их сажают везде: вдоль улиц, в палисадниках. Через деревню течет одна или несколько небольших речек, названия деревень часто повторяют их названия. Речку обязательно запруживали. Эти маленькие пруды, обсаженные деревьями, придают особую живописность удмуртским селам. Здесь плавают утки и гуси, здесь на мосточках полощут белье. Бросается в глаза чистота деревень. Приходилось наблюдать раннюю весною, когда только-только сойдет снег, как рачительный хозяин наводит порядок возле своего дома. Улицы в деревнях большие, прямые, часто расположены параллельно течению реки.

До коллективизации поля вокруг поселений были отгорожены одно от другого изгородью из жердей. Каждый участок изгороди был закреплен за определенным домохозяином, который должен был своевременно ее

чинить. “Кто допускал неисправность изгороди на своем участке, того нещадно били плетью”, - вспоминает Касим Садиахматов из Удмурт-Шагирта. Поля делились на яровые, озимые и паровые. На паровом поле пасся деревенский скот. Каждое поле имело свое название.



Рис.2. Удмуртки в рабочей одежде.

Свои названия имели и места по реке Буй, о происхождении некоторых из них жители рассказывают многочисленные легенды и предания: в Кирге вам обязательно покажут место на берегу Буя, где

проходил праздник-моление Буэдюк, а в Кипчаке расскажут про место старой деревни - Вужгурт, про Кролик Кож, где когда-то держали кроликов, про Закыза Кож, где по легенде похоронена Закыза, которую убили неродные сыновья, и про многое другое.

Характерной чертой окрестностей удмуртских деревень были святые места - места отправления языческого культа. Для каждого моления было особое святое место: часть молений совершалась на озимых или яровых полях, часть - в святых рощах; горели костры, варилась моленная каша, приносились жертвы Богам. Святые места всячески оберегались: растущие в них деревья нельзя было использовать ни в каких целях, детям запрещали ходить туда без необходимости.

В каждой деревне у некрещенных удмуртов есть свое кладбище. Каждая родовая группа имеет на кладбище свой участок. В некоторых деревнях на кладбище стояло дерево, на которое вешали кости жертвенных животных.

Усадьба состояла из многочисленных хозяйственных построек. Центром усадьбы был дом. В начале века большинство домов состояло из двух жилых помещений с сенями посередине: одна половина, чаще светлая, чистая, была летним жилищем. Зимой по праздникам в ней устраивали гостей. В другой половине жили постоянно. Сейчас большинство домов в деревне - пятистенки. За жилищем ставились хозяйственные постройки - амбары, ледники, конюшни.

Характерны для удмуртской усадьбы кенос и куала. Кенос - нечто вроде русской клетки - амбара - строился в непосредственной близости от дома. В нем хранили вещи, продукты - муку, крупы, мясо. Куала - культовая постройка. О ней очевидец в конце XIX века писал: "Во дворе каждого домохозяина имелся шалаш - куала, служащий домашней святыней, здесь совершались семейные жертвоприношения. Окон нет, пола тоже, посередине, на деревянном крюке висит котел, в котле варятся жертвы - мясо, крупа, а летом всякая другая еда. Портив входной двери, у стены, обращенной к востоку, имеется полка, на которой хранится воршуд (хранитель счастья и благополучия семьи). В одной из родовых куал под именем воршуда лежали два кругляка, таких воршудов бывает на полке два-три, одному молятся мужчины, другому женщины. Рядом с воршудом на полке находится бурак, а в нем вещи, необходимые при жертвоприношениях"²⁴. Если в XIX веке куала стояла на каждом дворе, то в начале нашего века встречались только родовые куалы, которых в деревне было два-три, в зависимости от числа родов. В 30-е годы святилища были разрушены. В настоящее время их нигде нет.

Внутри изба была визуально поделена на зоны: угол с печью, женская половина, прихожая, передний угол. Удмуртская печь не похожа на русскую, скорее на башкирскую. Рядом с устьем печи находится вмазанный котел-казан для приготовления пищи. Под устьем, у пола - вместилище для дров, подтопок же справа или слева от чела. Значительную

часть избы занимали нары, которые часто шли из угла в угол вдоль всей стены. На нарах спали, на них ставили сундук, в который убирали перины. Передний угол - тор шор - находился по диагонали от печи. Туда усаживали самых почетных гостей. Возле нар здесь стоял стол. На праздник дом украшали браными занавесками и полотенцами.

Основными средствами передвижения были сани-дровни, розвальни, кошевки, телеги, тарантасы.

Традиционный костюм шили из тканей домашнего производства. Ткацкий стан, в отличие от русского, не имел каркаса (нитченки привешивались к потолку, а бердо ходило по основе ткани, готовая ткань укреплялась на привое, нитки заплетались в косу и закреплялись на специальном стояке). Ткани были льняные, шерстяные или из покупных хлопчато-бумажных ниток, в клетку, полоску, с узорами и разнообразным набором цветов. Часть тканей - кашемир, плис, ситец, сатин - покупали на ярмарках. Женский будничный костюм состоял из холщовой пестрядиной рубахи-платья, фартука, штанов и чулок (холщовых или шерстяных). Для работы на улице женщина надевала специальный распахной кафтан-*зыбын*. Мужской будничный костюм включал штаны, рубаху, кафтан-*шортдэрем*, фартук и валяную шляпу. И мужчины, и женщины носили лапти. Зимой для работы на улице те и другие надевали суконный зипун - *дукес*, суконные портянки, а для работы в лесу - суконные чулки. Вечером, собираясь на гулянье, молодежь надевала такой же, только новый и чистый наряд.

Особой красотой отличался праздничный костюм, состоящий из множества элементов. Для праздников в сундуках хранились самые красивые рубахи-платья, обязательно узорные, в клетку, полоску, с несколькими оборками. Поверх платья повязывался фартук. Женщины носили многочисленные серебряные украшения, девушки - *сырга* и *зака*, *сильсюмыс*, а женщины - нагрудник *мылхо*, украшенный позументом. Для девушек были характерны *сырга* и *зака*. Украшения состояли из серебряных монет XVIII-XIX веков, пуговиц, бус и раковин каури. Затем надевался жилет - камзол из цветной бухарской ткани, обшитый по краям позументом. Очень сложным был и головной убор. По описанию XIX века головной убор девушки состоял из *колпака*, *манлай* и *укочачак* (*сясяк*). "Первым надевался *манлай*, нечто вроде шапочки, на него - *сясяк*, из-под которого свисал ряд серебряных монет, пришитых к краю *манлай*, затем - *колпах*. Женщины носили *чалму*, а под нею *манлай*, *чалмой* называется полотенце, свернутое вдвое и обернутое вокруг головы так, чтобы его концы падали на спину. Девушки и женщины носили сережки из серебряных монет - *пель изы*.²⁵ В волосы вплетался шнурок с серебряными монетами - *чылбыр* или *быдэс танка*, а поверх косы надевали *йырсикузя* - полосу ткани, украшенную двумя рядами монет. В течение праздничного дня женщина успевала сменить два-три платья, показаться в разных нарядах. Зимой поверх наряда надевали шубу и шали.

Костюм невесты отличался лишь головным убором. Невесте повязывали по-башкирски, то есть не сворачивая, большой плат с бахромой, а на бахрому спереди привязывали серебряные монетки. Существовало поверье, что невеста должна ходить в праздничном костюме до тех пор, пока у нее его кто-нибудь не украдет. Одежду выкрадывали, как правило, в бане. Невеста, не нашедшая после мытья своего наряда, могла надеть будничное платье. Парни, замешанные в этом деле, возвращали ей украденное через несколько дней. Головным убором жениха была тюбетейка с пришитыми по краям монетами.



Рис. 3. Традиционные удмуртские костюмы.

Постепенно сложный головной убор вытеснялся более простым - платком. Во время коллективизации жителей удмуртских деревень заставляли сдавать серебро в колхоз для покупки трактора, и поэтому полного набора украшений не осталось ни в одной семье.

На ноги в праздник женщины надевали галоши, а кто побогаче - хромовые сапожки (*сетык*), защищенные галошами. Зимой праздничной обувью служили валенки, иногда узорные, купленные на ярмарке.

Мужчины носили в праздник сапоги, зимой - валенки. А поверх рубахи надевали *бешмет* - нечто вроде кафтана. *Колпак*, *камзол*, *бешмет*, *сетык* - элементы праздничной одежды, заимствованные у башкир. Женский праздничный костюм бытует и поныне, сохраняясь почти в каждой семье. Мужской традиционный костюм вышел из употребления в послевоенные годы и встречается край не редко.

Особая одежда существовала для молений. Она состояла из белого платья, белого фартука у женщин и белых рубах и штанов у мужчин. Поверх надевался белый с черными полосками особый молебный халат *шортдэрем*. Если вся остальная одежда могла иметь другие расцветки, то *шортдэрем* оставался неизменным. Женщины надевали на моление свои серебряные украшения. Молебную одежду хранили всю жизнь и в ней же старались хоронить умерших. И теперь еще старушки завещают по смерти обрядить себя согласно традиции.

Пища буйских удмуртов состояла из продуктов, производимых в домашнем хозяйстве. Удмурты сеяли пшеницу, рожь, овес, ячмень, полбу, горох, гречу. Из пшеничной и ржаной муки пекли хлеб, из остальных культур делали крупы и варили каши. На огороде выращивали капусту, редьку, калегу, морковь, картофель, огурцы. Держали домашних животных и - особенно много - птицу: гусей, уток, куриц. Гусь был постоянным блюдом праздничного стола. Есть свинину запрещалось обычаем. Из напитков особо почиталось пиво. На праздник пекли разнообразные пироги - с кашами, репой, ягодами; блины из кислого теста *табань*; пресные шанежки - *перепечь*; медовые шарики к чаю и многое другое. Особой популярностью пользовались блюда из калины. Ею начиняли пироги, из нее делали калиновый кисель. В лесу собирали также малину, смородину, клубнику, которые употребляли в свежем виде и сушили на зиму.

РЕЛИГИЯ

Удмурты Куединского района - язычники, в отличие от удмуртов республики - христиан. Элементы этнической религии продолжают жить и в наши дни.

Верховным Богом куединские удмурты, как и все остальные, почитают Инмара, корни которого восходят к прафинно-угорской общности.²⁶ “Инмар - Творец Вселенной и со своей матерью... живет на солнце... Единый и лучезарный Инмар сотворил землю и разных народов, дал последним разные веры. Каждый поэтому народ должен беречь свою веру, если не желает прогневать всемогущего творца. Инмару вотяки молятся во всякое время, перед началом всякого дела” - такую характеристику Инмара находим мы у Н.И.Тезякова.²⁷ Культ Инмара пользовался большим уважением, ему приносили самые большие жертвы. Он наиболее почитаемый бог и сейчас, молодежь, как правило, знает его, в отличие от других божеств языческого пантеона.

Постоянным спутником Инмара был Кылчин - Божий Ангел. Инмар появляется обязательно в сопровождении Кылчина. Вместе они осознавались как покровители человека. Кылчин и в быту постоянно сопутствовал человеку. Кылчин - хранитель урожая: в полдень он ходит по межам и оберегает посевы. Во время неурожая проводили специальный обряд “Поиски Кылчина”. Каждое утро удмуртка старалась навести в доме порядок, вымыть подоконники, окна, порог - считалось, что по утрам Божий Ангел заходит в дома.

Антиподом добрых Богов был Шайтан - сосредоточение злых сил. От него всячески старались защититься: в Вербное воскресенье молодежь изгоняла Шайтана из деревни, чтобы он не испортил праздника. Во время свадьбы полагалось стрелять в сени, чтобы Шайтан не испортил жизнь молодым. Шайтан мог подменить новорожденного, поэтому младенца не оставляли надолго одного, или клали ему под подушку железный предмет.

В системе богов удмуртов особое положение занимали духи-праматери: мать земли, мать луны, мать солнца, мать воды.²⁸ Среди удмуртов Больше-Гондырского края культ этих Богинь практически забыт. Смутные представления существуют о хозяйке земли, которой во время похорон бросают монетку. В конце XIX в. культ некоторых Богинь был более почитаем: во время молений хозяйке земли, матери солнца приносились жертвы и возносились молитвы с просьбами.

Удмурты признают существование духов природы. “Старики говорили, что без хозяина ничего не бывает” - говорят они. В каждом водоеме обитает хозяин воды. Весной, во время праздника “Буэ дюк” хозяину воды в реку бросали шкуру и кости жертвенного животного. В обращении к божеству просили о том, чтобы он не топил в своих водах скотину и людей. О хозяине леса говорили иносказательно - будто в лесу ходит лось. В конце XIX-XX вв. роль охоты и рыболовства в хозяйстве

удмуртов Больше-Гондырского края была уже незначительной. Этим, видимо, можно объяснить то, что рассказы о духах природы немногочисленны. На открытой усадьбе с отдельно стоящими постройками, по поверьям, обитали духи дома, бани, колодца, конюшни, огорода, двора, рассказы о них популярны и сейчас среди куединских удмуртов.

Систему молений и жертвоприношений непосредственно поддерживали жрецы. На семейном уровне в качестве жреца выступал хозяин дома или самый старший член семьи. Семейный жрец обращался к Богу во время календарных праздников и обрядов, освящал своей молитвой моленную кашу. Он же руководил принесением жертв на свадьбе, при провах в солдаты, рождении ребенка, новосельи, похоронах, при семейном несчастье, то есть осуществлял все мелкие и частные обращения к Богу в кругу семьи.

На родовых молениях существовал свой жрец. Он обслуживал все моления, совершаемые всем родом.

Высший языческий клир - это общедеревенские, междеревенские служители культа. Основные жрецы (*хурськысь*) сами совершали моления, руководили процессом приготовления животных к жертвоприношению. Кроме того, они, видимо, определяли время, место молений, жертвы, которые необходимо было принести Богам. Во время молений, которые совершались группой деревень, руководителей молений было несколько. При жертвоприношениях главным жрецам помогали их помощники (*партчаси*), которые готовили и закалывали жертвенное животное.

К настоящему времени такая разветвленная система служителей культа не сохранилась. В некоторых семьях еще совершаются моления; в отдельных деревнях существуют служители культа, которые и сейчас совершают общедеревенские жертвоприношения.

У удмуртов, как уже упоминалось, существует особая система родового, воршудного родства. Удмуртских воршудных имен, около 70, в Куединском районе встречается 15. "Родовое значение воршудов проявляется в брачных отношениях. Браки у вотяков допускаются только между лицами разных воршудов²⁹". Свою родовую принадлежность помнит, в основном, старшее поколение, молодежь их большей частью не знает. Почитание предков имело большое значение в представлениях удмуртов. В важнейшие моменты жизни удмурты старались испросить благословения у своих предков. В большей мере поклонение им отражают похоронные и поминальные обряды и связанные с ними поверья.

Элементы христианства проникли к удмуртам Куединского района еще до переселения в бассейн Буя. На "старой родине" посредством русского влияния удмуртами были заимствованы такие русские праздники как Пасха и Масленица, которые наполнились языческим содержанием, а все христианские элементы были утрачены. О русском влиянии на старую родину говорит документ об уплате удмуртами деревни Гондырь ясака в

казну, в котором у удмуртов встречается довольно много русских имен за период конца XVII - начала XVIII вв., в то время как русские на юге Осинского уезда появились только в самом конце XVIII в.

Второй этап распространения христианства и одновременно русского влияния приходится на вторую половину XIX в. и связан с деятельностью православных миссионеров и активными контактами с соседним русским населением края. Активная борьба за постройку церкви и распространение христианства среди язычников началась с открытия в 1873 году миссионерской школы под наблюдением православного священника. Предлагались варианты постройки православного храма, но удмурты не соглашались отвести землю под будущее строительство. В 1889 году был открыт временный молитвенный дом. Не раз приходилось конфликтовать с мусульманскими миссионерами. В 1897 году епископ Пермский Петр освятил храм Петра и Павла в с. Большой Гондырь.³⁰ По данным 1888 года, обращенных в христианство удмуртов насчитывалось до 20 человек³¹. В 1914 году вотяков-христиан было только 15 человек.³² Часть христианских знаний распространялась через миссионерские школы. В таких школах преподавали основы христианства, ученики, в том числе язычники, хорошо знали священную историю и основные молитвы.

Современная ситуация с православной религией сложна и интересна. Популяризация христианства средствами массовой информации часто приводит к отождествлению языческого Бога с христианским. В домах появляются картины христианского содержания, православная литература. Удмурты, переехавшие в города, подвержены влиянию христианства больше, часть принимает новую религию. Такая тенденция, видимо, будет продолжаться и в последующее время.

Влияние ислама на удмуртов началось со времен Волжской Булгарии. На новой родине куединские удмурты оказались также в окружении башкир-мусульман, удмурты часто контактировали с ними, что привело к заимствованию ряда представлений соседнего народа. Заимствования происходили двояко. Некоторые традиции ислама заимствовались на бытовом уровне всеми удмуртами, как, например, запрет употреблять в пищу свинину. Наиболее активную деятельность муллы развернули во второй половине XIX в. Часть удмуртов, чаще наиболее зажиточная, отказывалась от языческой религии и переходила в мусульманство. Исламизация приводила к смене самосознания, языка, традиций. В 1888 году перешедших в ислам считалось 360 человек.³³ Число их росло, к 1914 году их было уже 698 человек.³⁴ Муллы, в отличие от православных миссионеров, свободно владели удмуртским языком. Стараниями мусульман в конце XIX - начале XX вв. в удмуртских деревнях Большой и Верхний Гондырь были построены мечети, поэтому число удмуртов, принявших ислам, в этих деревнях значительно. Измененное религиозное сознание передается из поколения в поколение. В наши дни у буйских удмуртов пробуждается интерес к своему прошлому, к прошлому своей религии. Все больше обращаются к своим богам, предпринимаются

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ. СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА И НОВОСЕЛЬЕ.

Строительство дома всегда обставлялось обрядовыми действиями и запретами, целью которых было стремление обеспечить будущее благополучие жильцов, счастье в новом доме, защитить себя от злых духов.

Дом старались не строить на месте, где раньше проходила дорога или стояли ворота, объясняя это тем, что жизнь в таком доме будет несчастливой, "ведь через ворота выносили, наверное, покойника". Положив первое бревно, обязательно клали под угол серебряную монетку, завернутую в тряпочку. Особая роль отводилась подъему матицы. Часто упоминают, что поднимать ее разрешалось только в четверг. К матице привязывали нитками или в мешке четверть самогона и начинали поднимать. Если четверть падала - это предвещало, что жизнь в новом доме будет несчастливой, а работники в этом случае оставались без угощения. Поэтому матицу поднимали очень осторожно, а после хозяева устраивали застолье всем, участвовавшим в строительстве. Под матицу также клали монетку, завернутую в тряпочку, и клоч льяной кудели.

Строить дом обычно звали на помочи (*веме*), родственников, соседей, или нанимали работников со стороны. Всех принимавших участие в строительстве старались пригласить на новоселье.

Постройка дома считалась законченной, когда в нем была сбита печь. Ее не разрешалось оставлять в доме одну, поэтому дом надо было сразу заселять. Вход в новый дом (*хорка тырон*) сопровождался рядом обрядовых действий. Первыми в дом пускали кошку или петуха, а когда заходили сами, заносили подушку, цветы, хлеб с маслом. Из старого дома забирали домового (*хорка кузе*), для чего набирали в старом подполье земли и заносили в новый дом. Обязательно в доме устраивали молитву. Происходило это следующим образом: в дом первым заходил хозяин, клал на стол принесенный с собой хлеб, а потом шел за семьей, детей пускали первыми. Затем молились, чтобы в доме жили хорошо. На вхождение в новый дом могли пригласить жреца: "Первый раз, когда заходить, хозяин уходит куда-то, приглашают жреца. Хозяин заходит, спрашивает: "Можно войти в дом". Жрец говорит: "Можно. Заходи, ты должен быть хозяином".³⁵ Кто первым заходил в дом, забивал в матицу серебряную монету. Серебро клали на стол, чтобы жили чисто, как серебро. Хозяин при переходе в новый дом обещал принести Богу жертву, чаще барана, овцу. Если после этого в хозяйстве погибал скот, считалось, что Бог забрал обещанную во время новоселья жертву. Если не сделать такого обещания, считалось, что Бог заберет кого-то из домашних. Хозяйка первым делом топила печь и в первый раз пекла в печи табани-блины из кислого теста, чтобы весь хлеб, испеченный в этой печи, был таким же мягким,

как табани.

Примерно через две недели устраивали новоселье (*корка туй*). На новоселье звали родню, соседей, всех, кто помогал строить дом. Гости обязательно несли с собой подарки, самогон, одежду. Дареную одежду вешали на шест над нарами. Зашедший в дом первый раз, клал на стол деньги с пожеланиями счастья хозяевам.

ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЁНКА.

Уже в период беременности поведение женщины строго регламентировалось. Считалось, что невыполнение запретов влекло за собой смерть, болезнь ребенка и его матери, тяжелые роды. Беременной не разрешалось ходить на кладбище, смотреть и провожать покойника. Если же присутствие на похоронах было необходимо, предписывалось, что женщина должна надеть платок, фартук, заколоть булавку. Беременную не пускали туда, где режут скот. Во время беременности жены муж сам не мог резать скот, для этого приглашался сосед или родственник. Возможно, что все эти запреты имели целью ограничить контакты беременной женщины со смертью.

Другие запреты защищали мать от тяжелых родов, рождения неполноценного ребенка. Будущей матери не разрешалось убивать мышей, лягушек, мух, так как считалось, что на ребенке после этого останется родимое пятно. Муж в это время не охотился - опасались, что у ребенка будет заячья губа, если он убьет зайца. Женщине нельзя было перешагивать через коромысло, оглоблю, дугу, задержатся роды, или у ребенка будут кривые ноги, шишки на лбу. "Переступишь через веревку - кишки перепутаются вокруг шеи ребенка и тяжело будет рожать". Для того чтобы вошедший в дом не взглянул беременную, она должна была задеть гостя подолом своей рубахи или фартука...

Если уже в это время в ребенка хотели заложить определенные качества, то старались посмотреть на понравившегося человека. "На кого внимание обратишь, на того и будет похож ребенок".

Удмурты связывали рождение ребенка с водной стихией. В иносказательной форме о рождении ребенка говорили, что его зачерпнули в роднике, колоде. Для определения пола ребенка существовали особые приметы, так, если у будущей матери живот острый - родится мальчик, тупой - девочка, мальчика носят дольше девочки. Считалось, что мальчик лежит у матери на правом боку, а девочка - на левом.

Для того, чтобы узнать пол будущего ребенка, гадали: на мороз выносили воду в блюдо, если вода застыла горкой - родится мальчик, поверхность останется ровной - девочка.

Рожали раньше чаще в бане, для этого ее несколько дней протапливали. Помогать при родах приглашали бабушку-повитуху, которая принимала роды, мыла, заговаривала ребенка. Чтобы женщине легче было рожать, родственников заставляли открывать ворота, двери, роженица

расплетала волосы. Бабушке, которая помогала родильнице, после родов дарили отрез материала, платок, фартук. Ее приглашали на праздник рождения ребенка. Ребенка старались принять в рубашу отца, если родился мальчик, и матери - если родилась девочка, чтобы дети любили своих родителей. Пеленать ребенка первый раз старались также в одежду матери или отца, или того человека, который нравится родителям, чтобы ребенок был на него похож. Особое отношение было к родившемуся "в рубашке", такой новорожденный считался счастливым. "Рубашку" сушили, зашивали в тряпочку и носили при себе, считая, что она защищает человека от глаза и может помочь на суде. Оставшийся после родов послед закапывали, а на то место, где родился ребенок, забивали гвоздь, чтобы Шайтан его не занял.

Стремление увидеть в новорожденном хорошего хозяина, хозяйку, проявляется в действиях, выполнявшихся после родов с пуповиной. Ее, как правило, не выбрасывали: у девочки помещали на прялке, чтобы та была рукодельницей, у мальчика в конюшне, чтобы был хороший хозяином. Если желали, чтобы сын или дочь стали грамотными, учителями, пуповину вкладывали в книгу. Следили, чтобы пуповина не попала в карман, а то ребенок вырастет вором.

Некоторое время после родов, как правило 40 дней, женщина и ребенок считались нечистыми. Роженице не разрешалось шить, брать в руки иголку, доить корову. Сорок дней родильницу старались не оставлять дома одну, считалось, что она может заболеть. Новорожденного в первые месяцы жизни также всячески оберегали. В бане ребенка не оставляли, даже не отпускали с рук, боялись, что подменит "банный хозяин". Дома младенца также не оставляли одного, а в случае, если матери необходимо было отлучиться, она обводила вокруг ребенка железным предметом, клала ребенку под подушку ножницы, нож или булавку и произносила молитву. Таким образом, якобы защищали младенца от Шайтана, который мог подменить его на своего "чертенка".

Если ребенок плохо ел и много громко плакал, думали, что он подменен Шайтаном. Тогда в бане "заменяли" подмененного на своего... Для этого младенца перед заходом солнца запеленывали и несли в баню. В доме перед этим клали на стол каравай хлеба. В бане мать произносила: "Вот, Шайтан, тебе ребенок, отдай мне моего. Забирай своего ребенка." И оставляла младенца одного, закрывала банные двери. Через некоторое время шла забирать. "Я беру своего ребенка, твоего мне не надо, ты своего забрал." Пеленки, в которые был завернут младенец, оставляли в бане, а ребенку приносили новое белье. В некоторых случаях "подмененного" ребенка, накрыв корытом, как бы рубили топором. Так же лечили младенца, если он долго не мог научиться ходить или говорить.

Интересными были у куединских удмуртов обряды, связанные с именованием новорожденного. Время рождения определяли по проводившимся в этот период хозяйственным работам или праздникам.

Если дочь рождалась во время уборки - называли Кырбике (буквально: "полевая женщина"), мальчика, родившегося во время сабантуя, могли назвать Туйка. Дату рождения не запоминали, а чаще говорили, что родилась, когда трепали лен, когда убирали овес и т.д.. Если в семье умирали дети, новорожденную девочку называли Ульмас (башк. : не умрет), а мальчика - Темир (башк. : железо). Если ребенок плакал, то считалось, что ему не нравится имя. В этом случае имя меняли. Топили баню, на каменку плескали воду и говорили: "Старым именем больше называть не будем". Второе имя старались дать с "мен" Менгиль, Менсара, Менсима. Компонент "мен", смысл которого связан с понятиями "рождаться", "появляться". Новым именем как бы утверждали новое рождение ребенка.

Без имени не оставляли даже мертворожденных. Без имени нельзя хоронить. Такого новорожденного нарекали не человеческим именем, а названиями предметов из окружающего мира: "Веник", "Метелка", "Грабли", "Бугор", "Кострика", "Вилы", и хоронили на обычном кладбище.

Родственники приходили проводить роженицу, несли ей стряпню. На чужом хлебе, считалось, она лучше поправляется. Родственники и соседи смотрели на новорожденного. Но прежде, чем посмотреть на него, их просили дотронуться до печи, чтобы они не сглазили ребенка. Гости обязательно приносили новорожденному подарок и серебряную монету. Серебро ниточкой привязывали на руки, пришивали к чепчику, рубашке. Считалось, что ребенок должен расти чистым и здоровым, как серебро.

За новорожденного кто-то из семейных обязательно молился. Для моления варили кашу, чаще пшенную с маслом. Старший в семье выходил на двор молиться. В молитве просил Бога, "чтобы ребенок жил, не болел, рос крепким, стал хозяином, любил стариков-родителей. Стал настоящим хозяином, имел бы свой дом, водилась бы у него скотина. Пускай вырастет умным, найдет себе невесту. Был бы уважаем для родителей, родственников, был бы почитаем в деревне". Молельной кашей мазали ребенку губы, и все домашние ели эту кашу. Часто именно во время молитвы новорожденному давали имя.

С начала XX века среди куединских удмуртов распространился праздник рождения ребенка *бебей туй* (башк.: свадьба ребенка), заимствованный, видимо, от соседей - башкир. Старожилы еще вспоминают, что раньше при рождении ребенка гостей не звали и застолья не устраивали. Соседи и родственники приходили проводить роженицу, приносили ребенку подарки, но все это происходило не в один день. А когда за ребенка читалась молитва, то присутствовали только свои домашние. Сейчас на *бебей туй* приглашаются родственники, устраивается застолье, родственники обязательно несут подарки, колготки, ползунки, одеяла.

ПРОВОДЫ В СОЛДАТЫ.

“Еще задолго до приема, молодежь, обязанная быть на приеме, начинает кутить, собирается на вечеринки, разъезжает по гостям.” - так начинались проводы в солдаты со слов И.Яковлева, в начале XX века. Сторожилы в наше время также рассказывают, что, когда наступает срок молодому новобранцу уходить в армию, все родственники стараются пригласить рекрута в гости. Целую неделю солдат ходит с матерью и отцом по гостям. Родственники давали рекруту деньги. В последний перед отъездом день часто устраивали вечеринку, на которую приглашались друзья, подруги, родственники парня. На новобранца вешали полотенце, а к этому полотенцу прикалывали подарки, которые приготовили к этому дню его подруги: вышитые кисеты, платки. Рекрут находился в центре внимания. Делетбаев Мухтарша вспоминает, как его провожали в армию в д.Гожан: “Как получаешь повестку - начинаешь гулять. В деревне парней-одногодков много, ездим с ними по улице с гармошкой. Ко всем парням заходим в гости, к сверстникам, старшим, но не к младшим. В домах сразу сажают за стол, угощают, девушки дарят подарки, платочки. На другой день этими платками украшаем дуги лошадей и ездим с гармошкой по деревне, заезжаем в гости к девушкам”.

Уезжая из деревни, солдат должен был попрощаться со своими предками, сходить на кладбище. На кладбище рекрут обходил могилы всех родственников, просил у них благословения.

В день отъезда или накануне снова собирается застолье. Солдат сидит во главе стола. Родственники несут деньги на дорогу, желают солдату хорошей службы. Глава семьи, отец новобранца, с хлебом в руках молится Богу. Солдат забивает в доме на матицу монетку в тряпочке, откусывает или отламывает кусок глины от печи, чтобы в дальней стороне не тосковать по родине. Когда застолье заканчивается, солдат намазывает маслом горбушку хлеба и выходит во двор. Во дворе он кормит собаку, обходит три раза ограду, дотрогивается до скотины, прощается со своим домом. Затем снова заходит в дом, надкусывает каравай хлеба, обходит по солнышку вокруг стола или печи, и все гости за парнем выходят во двор.

Во дворе родственники начинают прощаться, желают парню скорого возвращения. Весь народ высыпает гурьбой на улицу. На конце деревни все останавливаются. Солдат “орлит” деньги. Если денежка упала решкой - считалось, что служба будет тяжелой, если орлом - легкой, хорошей. Так повторяли до трех раз, а монетку выбрасывали в сторону кладбища. Рекрут разбрасывает деньги, их тут же подбирают ребята. Новобранец должен обязательно зайти в последний в деревне дом, проститься с его хозяевами. После этого парень садится в сани и уезжает на станцию. “Торжественны бывают окончательные проводы. Вся деревня высыпает за рекрутами на околицу, товарищи и родственники с песнями провожают до ближайшей станции, везут на тройке с колокольчиками. Родители едут за сыном с воем, провожая точно покойника.” - так описывает этот этап проводов

И.Яковлев.³⁶ Весь день, когда бывают в деревне проводы в солдаты, звучит особый напев, исполняющийся только в это время *солдат келян гуй* (См. в приложении).



Рис. 4. Традиционный девичий костюм.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Если вы попадете на удмуртскую свадьбу в наши дни, то непременно заметите, что многие обряды и действия современной свадьбы похожи на те, которые существовали сто - сто пятьдесят лет назад и описаны дореволюционными исследователями. Свадебные обряды практически не изменились.

Свадебные обряды начинались задолго до традиционного пира. Сейчас свадебный ритуал начинается, в основном, с кражи невесты. В прошлом существовали еще два варианта. Первый, когда родители жениха и невесты еще до совершеннолетия детей договаривались о будущем сына или дочери. В этом случае дети уже считались "мужем" и "женой". Муж ездил к жене в гости или жил у нее. Когда назначался время увоза невесты в дом жениха, у них уже могло быть несколько детей. Сейчас таких браков, которые чаще совершались по расчету, практически не бывает. Все они заключаются по любви, обоюдному согласию жениха и невесты. И второй вариант, когда свадьба начиналась со сватовства. Заручившись согласием невесты, жених посылал свах, которые сватали невесту и договаривались о времени ее увоза. Жених приезжал к невесте в гости, часто ночевал. Затем свадебное действие уже разворачивалось по традиционной схеме. Упоминание о перечисленных вариантах начала свадебного ритуала встречается в работе И.В.Яковлева.³⁷

Вилькенан нушкан - так у куединских удмуртов называется обряд умыкания невесты. Будущий жених заранее договаривался с друзьями о дне похищения девушки. Считалось, что красть невесту нежелательно в субботу, вторник и среду. Эти дни считались несчастливymi. Самыми же благоприятными днями были четверг и пятница. Умыкать полагалось вечером. Девушку старались взять хитростью, позвать на улицу, чтобы было меньше шума. Если кто-то из деревенских парней узнавал, что подружка собирается увезти, парни нарочно охраняли ее, "охранникам" жених ставил бутылку и увозил невесту.

После этого кто-то из друзей жениха нес родителям девушки бутылку вина. Если отец с матерью принимали ее, это означало, что они согласны на свадьбу, согласны выдать дочь замуж за похитившего ее парня.

Если родственники невесты были не согласны на брак, они ехали и забирали девушку.

В доме жениха готовились к встрече. Когда невеста переступала через порог, под ноги ей подкладывали подушку, чтобы будущая ее жизнь была такой же мягкой. На подушку клали деньги и платок. Невеста должна была наступить на подушку правой ногой, платок и деньги она забирала себе. В некоторых случаях невесту могли привести к соседям или родственникам жениха. Уже утром она одевала свадебный наряд и заходила в дом жениха.

Как уже отмечалось, невеста на всех свадебных ритуалах была в праздничном костюме с особым головным убором. Невесте повязывали

большой подшалок с кистями по-башкирски . На кистях спереди были пришиты серебряные монеты. Бахрома закрывала все лицо невесты. Поверх этого платка повязывали еще один, сложенный вдвое и перегнутый по диагонали. Жениха от остальных участников свадьбы в XX веке отличала тюбетейка с пришитыми по краю монетами.



Рис. 5. Костюм невесты.

На следующее утро проводился обряд купания невесты (*вилькенах пылатон*). В этот день в доме жениха собирались все его родственники... Молодая шла за водой, на родник или к реке, за ней шли парни и девушки.

Когда подходили к реке, один из парней окунал правую ногу невесты в воду и спрашивал: “Что даешь? Чем даришь?” Девушка должна была подарить ему носовой платок. На реке шутили, обливались водой. Только почерпнет невеста воды в ведро - ее уже выльют. Но когда невеста несла полные ведра воды от реки, воду уже не выливали.

Дома начинали знакомить молодую с будущими родственниками. Невеста вставала на колени, рядом с ней становилась помощница. Невеста из ведер в чашку налиwała ключевой воды и подавала родственнику, который тоже становился на колени. При этом помощница, как правило, сестра жениха, говорила: “Это тебе будет тетя, это дядя”. Стоящий на коленях отпивал немножко воды, а остальную через плечо разбрызгивал на собравшихся. Затем в пустую чашку он клал монету и подавал невесте. Молодая снова налиwała воды и подавала ее следующему родственнику. Так невесте представляли все родство жениха.

В этот же день мать жениха садила сноху на подушку, положив сверху платок. Свекровь три раза при поднимала невесту вместе с подушкой, при этом говорила: “Мы хорошо будем жить”. Затем повязывала снохе этот платок и одевала чулки. Теперь молодой уже не разрешалось показывать волосы и ноги, т.е. ходить без чулок и головного убора.

На свадьбу обязательно назначали *торо* (их роль схожа с ролью крестного и крестной в русской свадьбе). Своего *торо* выбирали как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Ими становились самые близкие родственники, дядя с тетей, например. *Торо* со стороны жениха участвовали во всех обрядах, проходивших у жениха, но в гости к невестинной родне не ездили. *Торо* садили за стол в передний угол и обязательно на подушки. После свадьбы они обещали молодым подарить какую-нибудь скотину: гусей, овечек или телку, но, обязательно, парой.

После обряда купания невесты варили кашу. Старший в семье или *торо* молился во дворе усадьбы. В молитве просили, чтобы молодые жили счастливо, чтобы у них было много детей, чтобы они почитали родителей. Моельную кашу ели все родственники.

Уже после обеда жених с невестой и другие родственники ходили по родне. Но в первую очередь в гости заходили к *торо*.

Вечером или через два-три дня родители жениха ехали к родителям невесты на сговор (*хелшон*). На сговор могли ехать и близкие родственники. В некоторых случаях, чуть позже, на сговор приходили и жених с невестой. Родители невесты, встречая гостей, шутили - “Вы воры, вас не надо пускать”. На сговоре пили чай, вино, договаривались о сроках проведения свадьбы, обсуждали выкуп, который необходимо было выставить за девушку, чаще всего это были деньги и вино. Сейчас выкуп деньгами берут чисто символически - по году рождения девушки. Родственники жениха расспрашивали о приданом: “Что у невесты есть, за что мы деньги платим?” На сговоре родители обменивались подарками - мужчинам дарили по полотенцу, а женщинам - по платку.

Окончательно о времени проведения свадьбы и размере выкупа договаривались во время гостевания, когда родители жениха приглашали родственников невесты в гости.

Саму свадьбу принято было играть через два-три месяца совместной жизни молодых. Но в то же время не разрешалось проводить в семье две свадьбы в один год, в таких случаях свадьба откладывалась. Обычно свадьбу не играли во время полевых работ, сенокоса, жатвы. К торжеству готовились основательно, мыли дом, потолок, варили пиво, кололи овцу или барана. Обычаем оговаривалось, что с невестиной стороны в гостях бывает больше родственников. Свадебный пир начинался в доме невесты. Перед этим молодая за неделю до приема гостей уезжала к своим родителям.

В доме жениха перед тем, как ехать на свадебный пир “сюан” к невесте, на стол клали каравай хлеба. Отец жениха молился: “Пусть будет хорошая нам дорога”. Поезжане пробовали этот хлеб. К невесте зимой ехали на кошевках, а летом на тарантасах. Зимой еще одну лошадь запрягали в розвальни - на ней везли сундук с невестиним приданым.

В доме невесты все уже было готово к приему гостей. Маленьких ребятишек отправляли на дорогу смотреть, не покажется ли свадебный поезд. Поезжан у ворот встречали с гармошкой, подносили хлеб с маслом, родители жениха пробовали его. Перед воротами стреляли из ружья или ударяли палкой по воротам, чтобы Шайтан не испортил жизнь молодым. Жениховых родителей вносили в дом на руках и усаживали на подушки в передний угол. В это время кто-нибудь из парней объезжал деревню на лошади и приглашал родственников в дом невесты. Молодые парни распрягали лошадей, укладывали в сарай сбрую, давали коням корм. Они же перед выездом поезжан готовили и запрягали лошадей. Когда пир проходил в доме жениха, эти обязанности выполняли его друзья.

За столом родители жениха и *торо* сидели на подушках в переднем углу. Гости рассаживались за столом. Родственники невесты садились не всегда, иногда принимали гостей на ногах. Жениха и невесту раньше за стол также не садили.

Считалось, что можно начинать пир, когда на стол ставили моленную кашу, сваренную на гусином бульоне. Перед этим отец невесты или крестный молился с этой кашей во дворе усадьбы. Хозяйка подносила свату и сватье гусиные ножки. Сват и сватья пробовали мясо, клали его обратно на поднос и предлагали деньги.

Поезжане привозили с собой подарки новым родственникам. Обряд одаривания подарками назывался *силасьхон*. Сколько каждый род выставит подарков оговаривалось заранее. Мать жениха одаривала сватов и крестных большими подарками: мужчинам давали рубахи, а женщинам - платья, фартуки, отрезы материала. Принявшие подарки показывали их друг другу, а те, которые их смотрели - давали владельцам мелкие деньги. Часто шутили: “Что-то платье подарили не новое, с дырой, дыру ведь залатать надо”. Под этим предлогом добивались денег.

После этого поезжане вносили поднос с выпечкой - *си*, поднос ставили на стол. Все, кто пробовал привезенную стряпню, должны были положить на поднос деньги.

После *си* со стола убирали всю еду, и жених ставил на стол четверть вина (*ныл вина*), которое шло как выкуп за невесту. Бутыль стояла на столе, а рядом с ней ставили мальчика, чтобы он открыл пробку. Мадчик обычно говорил, что он не может открыть бутылку, что пробка замерзла, не открывается, надо денег. Все давали денег, бутылку открывали. Этим вином угощали всех, но сначала его пробовали родители невесты, а потом пускали по застолью, по ходу солнца. После этого начиналось обычное веселье, шутки, пляски.

Потом поезжане собирались идти в гости к родственникам невесты. Первым делом заходили к "торо". В каждом доме был накрыт стол.

После обхода все снова собирались в доме невесты. Когда наступало время уезжать, обычно кто-то из родни невесты приходил с бутылкой и кнутом. "Вы долго сидели, пора уезжать, вот пейте напоследок", - говорил он и подносил всем стопку вина. Эту стопку затем разбивали у ворот.

Наступал ответственный момент, друзья жениха готовились уносить сундук с невестиним приданым. Приданое состояло в основном из рукоделия девушки: сшитых ею рубаш, фартуков, другой одежды, скатертей, полотенец, браных занавесок на потолок - *кошага*, занавесок - *катанчи*, покрывал на нары, пологам, мешков, одеял, подушек, перин. Кроме этих самотканых или покупных вещей, невесте в приданое давали лошадь, корову, самовар, ведра, коромысло и прялку. Мать жениха подходила к сундуку и просила его открыть: "Покажите сундук: что повезем, может, пустой сундук предлагаете." Сундук открывали, показывали вещи, сват со сватьей клали туда деньги. На сундук родственники невесты садили детей, накладывали перины, подушки и просили у жениха выкуп. Жених давал деньги. Если друзья жениха были пошустрее, они выносили сундук быстро, с хитростью, платили мало денег, а если с выносом замешкивались, родня невесты успевала "поколотить" их кулаками. Сундук ставили на розвальни или телегу.

За сундуком все выходили во двор. Близкие брали невесту под руки и запевали свадебный напев прощания. За ними шли жених с друзьями. Невеста со всеми вместе по ходу солнца три раза обходила двор, потом прощалась с родителями, трижды им кланялась. Иногда после этого невеста могла зайти в дом, в этом случае она прощалась с родителями в доме. После прощания невеста с женихом и все гости рассаживались по кошевкам. У ворот жених рассыпал мелкие деньги, ребятня как воробы налетала собирать их. На этом свадебный пир в доме невесты заканчивался, через несколько дней уже в доме жениха готовились встречать невестину родню.

Когда невесту привозили в дом жениха, вся родня собиралась смотреть приданое, которое привезли с молодой. Все вещи доставались из сундука

и развешивались, скатерти стелили на стол, занавески вешали на матицу и стены, полотенца - на стены. Родня пришивала к приданому монеты. По вещам судили - хорошая ли жена, умеет ли она хорошо ткать, шить, украшать вещи. Из пришитых к приданому монет невеста могла сделать себе украшение, а иногда их так и оставляли пришитыми к занавеске. Сейчас принято пришивать бумажные деньги.

Ритуал встречи гостей у жениха во многом повторял те действия, которые мы наблюдали в доме невесты. Родня невесты приезжала на разукрашенных лошадях. Родителей заносили в дом на руках и садили в передний угол на подушки. Теперь уже родители невесты, в свою очередь, одаривали новую родню. Дарили рубахи, полотенца, платки. Потом также выставляли свое *си*. Обязательно обходили дома родственников, пели, плясали.

На свадьбе было принято испытывать молодую - ее заставляли подметать пол, "мучили" ее, постоянно подбрасывали мусор и деньги. Шутили, что если невеста плохо подметет пол, жених будет рябой. Заставляли невесту печь блины. Первый блин подносили жениху. Жених, если невеста была "честная", начинал есть его с края, а если "нечестная" - с середины.

По окончании свадьбы было принято вновь обходить свою родню. Родители, братья, сестры невесты ходили по своей родне, а жених с невестой, его родители вечером после свадьбы шли сначала к *торо*, а потом заходили ко всем родственникам.

“ЧОЖИ КАРОН”

“Надо делать *чожи*” - так говорят, когда рождается теленок. За неделю до того, как провести обрядовую трапезу *чожи сиен* начинают собирать молозиво. Из молозива будет приготовлено самое главное блюдо - *чожи*. Когда молозива соберется много, примерно дней через семь-десять после отела коровы, назначают день и приглашают гостей есть *чожи*. *Чожи* готовят следующим образом: наливают в котел ведро молозива, смешивают его с водой, добавляют соли и варят. Блюдо, разбавленное молоком, подается к столу. Кроме *чожи* обязательно готовили простоквашу *йолпид*. *Йолпид* готовят из кипяченого молока, добавляя туда кислую закваску. Обязательно пекли *табани*, которые ели, намазав на них простоквашу или *зырет*. *Зырет* готовили из *ныкы* - снятого верхнего слоя с кипяченого молока, который размешивался с яйцами.

На *чожи* обязательно приглашали гостей, родственников. Гости приезжали даже из соседних деревень. В одно время приходили только из нескольких домов, и гости могли тянуться с утра до вечера. Сейчас на *чожи* могут пригласить и в определенное время.

Во время еды не было предела шуткам. Когда пекли табани, в них запекали нитки. Табани не разрезались, и гостям приходилось долго с

ними повозиться. Есть *табани* с простоквашей нужно было очень осторожно, смотреть, чтобы незадачливый сосед не подтолкнул случайно, - а в общем-то нарочно твой локоть, и ты бы не оказался весь измазанным простоквашей.

Уже провозжая гостей, хозяева старались стукнуть их ложкой по лбу, при этом утверждали : “Теленок бодается”, или - “Телка бодается”. Ложку мазали тестом, сажей или сажей, смешанной с маслом.

“ШЫД СИЕН”, “СИЛЬ СИЕН”.

Когда в хозяйстве режут скот, так же приглашали родственников на *силь сиен* (на мясо) или *шыд сиен* (на суп). Чаще *силь сиен* устраивали осенью, когда происходил массовый забой скота. На *силь сиен* могли собраться и летом, когда кто-то из родственников закалывал барана или овечку. За столом собирается вся родня. К приходу званных гостей готовятся особые блюда. В большом котле варили мясо. На бульоне варили кашу или суп. Делали кровяную колбасу. К назначенному дню пекут табани, перепечи, пироги с калегой, готовили домашнее пиво. Первым блюдом на стол подают суп или кашу, сваренную на бульоне, а уже после - мясо, сейчас его принято подавать вместе с блюдами из картофеля. Когда гости собираются уходить домой, они кладут хозяевам на стол деньги, желают благополучия и большого приплода скота. *Силь сиен* устраивали, когда закалывали теленка, барана, гуся или утку. Правда, мясо гуся или утки отдельно не варили, а добавляли к нему баранину или говядину, чтобы бульон не был жирным.

“ЗЯЗЕГ ИШКОН”, “ЧОЖ ИШКОН”.

Совместные трапезы родственников устраивались и во время помочей, при строительстве дома, вывозе леса. Осенью обычно устраивали помочи, для обработки гусей и уток. Чаще приглашали девушек. Гусей резал сам хозяин, а если в семье не было мужчины, то приглашали родственника. Первого гуся обычно жертвовали предкам, Богу. Отец семейства молился и посвящал гуся “очень, очень старым” (предкам). Этого гуся старались сварить и съесть в этот же день, варили его в отдельном котле. Если одного гуся для угощения не хватало, то второго варили отдельно. Кости жертвенного гуся закапывали в землю или относили на кладбище. Если в хозяйстве не было гусей, а держали только уток, обряд совершали жертвоприношением утки.

После жертвоприношения колют остальных гусей. Женщины обрабатывают их в бане, щиплют пух, моют, чистят. Семь перьев, выдернутых из-под крыльев старались сжечь, эти перья считались несчастливými, “чертовými”, их нельзя было класть в подушку. Кто теребил последнего гуся, произносил заклинание, говорил, чтобы на следующий

год опять уродилось много гусей. Гусиные и утиные тушки носили полоскать на речку к проруби. Одного гуся и гусыню оставляли на развод. Обычно их посвящали на счастье сыну или дочери. Считалось, что если человек счастливый, то будут и гусята, если несчастливый - держи гусей - не держи - они водиться не будут. Если ребенок родился на рассвете, ему посвящали черно-белого, пестрого гуся, если ночью, то черного, днем - белого.

Уже вечером участвующие в помощи и близкие родственники приходили есть гуся или утку. На стол подавали суп с лапшой или кашу, сваренные на бульоне, мясо гуся, стряпню. Гостей старались позвать побольше, считалось, что чем больше придет народу, тем больше на следующий год будет гусей и уток. Гусиную ляжку ели особо. Хозяин предлагал ее самым почетным гостям. Гости откусывали или отщипывали от нее кусок и клали обратно на тарелку, при этом на стол клали деньги. В конце вечера все гости старались положить денежку и пожелать хозяевам, чтобы на следующий год "стадо гусей растянулось от ворот и до речки". Кому попадалось мясо с вилочковой костью, тот ломал ее с соседом, при этом у кого оставалась половинка с узелком, считался победителем.

Осенью такие помочи в деревнях организуются постоянно.

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ.

Традиционный народный календарь куединских удмуртов - достаточно сложная система, которая включает в себя множество праздников и обрядов. Существование определенных праздников и обрядов связано с мировоззренческими представлениями народа, его хозяйственной деятельностью. Основой календаря куединских удмуртов были аграрные традиции крестьян-земледельцев. В одних обрядах прослеживается стремления удмуртского крестьянина уберечь свои посевы от заморозков, града, сохранить зерно до будущего урожая. С этими просьбами крестьяне-язычники обращались к своим Богам, приносили им жертвы, просили о расположении к молящимся. Такие праздники были приурочены к важнейшим периодам полевых работ и связаны с фазами солнечного календаря. Сезонные изменения, происходившие в природе, также были отмечены особыми обрядовыми действиями. Традиционный календарь включал в себя обряды, связанные с культом предков и культом семейно-родовых покровителей воршудов. Проживая в окружении русских и башкир, куединские удмурты заимствовали часть обрядов и праздников из русской и башкирской традиций.

“ВОЙ” (МАСЛЕНИЦА).

Для празднования Масленицы удмуртские деревни разделялись на две группы. В деревнях первой группы праздновалось начало Масленицы, а в деревнях второй - ее проводы. Обычно Масленицу начинали отмечать в деревнях вокруг Б.Гондыря, а ее проводы устраивали “за Бум”, в Гожане и Удмурт-Шагирте.

В первый день Масленицы все старались встать пораньше. Молодежь ходила по дворам, заходила в дома. Если удавалось застать кого-то спящим, его тут же вытаскивали на улицу и бросали в снег. Участие в этом принимала не только молодежь, но и люди старшего поколения, родственники, соседи.

На Масленицу приезжали гости из других деревень. Пожилые сидели дома, принимали гостей, или сами ходили в гости к родственникам. Молодежь устраивала катания с гор на санях, кошевках, лотках, по деревне катались на лошадях. Вот как рассказывает об этом Николай Иванович Фазиулин из с. Кирга. “В нашей деревне *вой* праздновался так. Приглашали гостей из других деревень, обязательно приглашали парней и девушек. Гости приезжали на хороших лошадях с украшенными сбруями, на кошевках. Седелко, хомут, шлея разукрашены разнообразными кисточками, на дугу привязывали спаренные колокольчики, на шею лошади привешивали бубенчики. Парадную выездную дугу делали широкой, ее сгибали из ели или осины, они были легкие, прочные и покрашены. Так готовились все, особенно хозяева, последние старались запрягать своих коней, чтобы покатасть гостей. Молодежь каталась на хороших лошадях, в кошевках, дети запрягали в розвальни спокойных лошадей, они катались позднее, в обед или вечером, когда молодежь успокоится, так было безопаснее, да и место не позволяло, было столько лошадей, что веревка тянулась километра на два. В деревне катались по кругу, по солнышку, через два моста. Молодежь каталась с песнями, много было гармошек.”

В первый же день Масленицы женщины и девушки старались прокатиться на прялке, чтобы лен вырос высокий. В Гожане, кроме этого, в этот день гадали, много ли женщина нарядет в этом году кудели. Бросали прялку через ворота, если прялка сядет на донце, женщина нарядет много.

Через неделю после начала Масленицы отмечали ее проводы (*вой кельн*). В этот день также катались на лошадях. При проводах устраивали ряжение, организовывали *гондыртон*, *гондырэктытон* - медвежью пляску. Кто-то наряжался медведем, выворачивал шубу, вторую шубу надевал на ноги, обвязывали валенки овчиной. Помощники водили ряженого медведя на веревке. На площади устраивали пляску медведя: играла гармошка, а медведь плясал. Провожатые были тоже наряжены. Медведь подходил к людям и гадал, называл по имени, говорил у кого сколько детей. Медведя заводили в дома, шутили, веселились, за ними гурьбой ходили дети. Для медведя устраивали сбор овса, брали с собой ведро и в каждом доме

просили для медведя овес. Потом этот овес продавали односельчанину, а на вырученные деньги покупали самогон.

“БЫДЗЫМНАЛ” (ПАСХА).

При беглом взгляде на календарные праздники и обряды бросается в глаза, что названия, сроки проведения некоторых праздников совпадают с русскими. Действительно, часть праздников была заимствована совсем недавно у русских соседних деревень. Но другие праздники, такие как Масленица, Пасха, имеют более древнее происхождение. Они не похожи на те, которые отмечают в русских деревнях района. Вероятнее всего, эти праздники были заимствованы еще до переселения в бассейн реки Буй. Новые праздники были переосмысленны и органически слились с языческими ритуалами встречи нового года.

Начало нового земледельческого цикла, весеннее пробуждение природы обозначалось в жизни удмуртского крестьянина целым рядом обрядовых действий. Изгнанием из деревни Шайтана, чтобы он не испортил праздника, защитой дома в ночь на великий четверг от нечистой силы, молитвой в первый день Пасхи, поминовением умерших. Обряды, связанные со стремлением обеспечить хороший урожай, например, льна, мы находим еще в масленичный период. С нашей точки зрения, именно эти праздники от Масленицы и до Пасхи и были связаны с днем весеннего равноденствия, началом нового года.

За неделю до празднования Великого дня (Пасха) удмуртская молодежь изгоняла из деревни Шайтана. В куединских деревнях этот обряд обычно называют *верба кыстырь*.

С утра в субботу, накануне русского Вербного воскресения каждая семья приносила веточки вербы. Уже под вечер, перед закатом солнца, дети начинали обход деревни. У каждого в руках были прутья ивы длиной около полутора метров, сплетенные косичкой. Обходя деревню, останавливались у каждого ворот и колотили ветками в ворота, мазали их грязью. Вербой дотрагивались до овец, , молодушек, чтобы все приносили потомство, при этом наговаривали “не я быю, верба бьет”. В Гожане, после обхода деревни детьми, изгонять Шайтана собиралась молодежь. “Вечером, уже темно, на угоре собирались парни и девки, играют, поют песни, здесь же гармонист. Некоторые парни приезжают верхом на лошадях. Пройдут по деревне, по воротам стучат, потом идут провожать вицы, бросят их к концу деревни и расходятся по домам,” - вспоминает Фатыкова Мензия из д.Гожан. Ветки обычно бросали в сторону кладбища, к реке, в реку или просто за деревню. Когда бросали вицы, ложились на снег и прислушивались - если кто услышит как залает собака или крикнет утка - год будет урожайным, услышат плач - будет неурожай, заржет лошадь - год будет хороший, замычит корова - плохой.

Как отмечают исследователи XIX в., этот обряд совершался перед Пасхой, “чтобы Шайтан не испортил праздника”.

В среду вечером, накануне русского великого четверга, начинаются обряды, связанные с днем выхода умерших (*хулон потон*), а среди умерших есть колдуны и ведьмы. Еще с вечера молодежь готовила солому, из которой утром зажигали костер: молодежь к вечеру собиралась играть на соломе у овинов и приносила с собой охапку соломы. Вечером дом, хозяйственные постройки, ограду обводили каким-нибудь железным предметом: лопатой, вилами, литовкой, кочергой, топором. Этим защищали усадьбу от нечистой силы: "пусть Шайтан не зайдет".

Внутри дома также все обводили железным предметом. Зачерчивали окна, двери, на ночь на подоконники, порог, в печь клали металлический предмет или веточки рябины, можжевельника. Ветки рябины прикрепляли к одежде, вешали их на шею. На ночь в воду клали серебряные украшения, чтобы утром умыться этой водой.

В четверг встают очень рано, до солнышка, поднимают всех домашних. "В каждом дворе пучками раскладывается немая солома и поджигается. Все члены семьи становятся перед горящей соломой в ряд, сначала молятся, а затем прыгают через горящую солому."³⁸ Старожилы еще и сейчас во многих деревнях совершают подобные обрядовые действия. Рассказывают, что когда прыгали через костер, произносили "чель комбельком", маленьких детей брали на руки и через костер прыгали вместе с ними. В этот день женщинам не разрешалось чесать головы. Старались также обязательно истопить баню и вымыться. Стряпали табани и поминали умерших предков. Считалось, что в этот день предки должны услышать запах горячих табаней. Вечером в теплых банях молодежь собиралась на вечеринки.

Празднование самой Пасхи в прошлом растягивалось на целую неделю. Во всех семьях в этот день до сих пор красят яйца, обычно в качестве красителя используют луковую шелуху. Каждая мать старалась утром положить крашеное яйцо под подушку своим детям. В этот же день детям принято было дарить новую одежду, которую также клали под подушку. Утром дети находили подарки: новые рубахи, фартуки, варежки, яйца. Взрослые объясняли, что ночью приходил *Теттыж-бабай* или *Кылчин* и приносил подарки.

Утром дети отправлялись по деревне, заходили к родственникам, соседям, хвастались обновками. Детей в каждом доме угощали крашеными яйцами. Яиц обычно набиралось много, и уже днем на полянке или прямо на улице начинались игры. Перед каждой игрой все яйца собирались в кучу, откуда их и брали игроки. Играть приходили не только дети, но и взрослые. Игр с яйцами было несколько. Чаше играли так: яйца ставили в ряд, и каждый играющий катал самодельный мячик. Если он попадал мячиком по яйцу - брал его себе, а если не попадал - мяч катал следующий. Итог игры - кто больше наберет яиц. Могли "играть в ворота". Тогда из палочек ставили небольшие ворота, каждый по очереди катал в ворота яйцо, кто попадал в ворота - брал его себе. Яйца катали с горки. Смысл

этой игры - сбить яйцо предыдущего игрока, поставленного на кон под горкой: если игрок сбивал его - брал яйцо себе, если нет - ход переходил к следующему. Мужики обычно участия в играх с яйцами не принимали. Они были заняты своей игрой в деньги.

В первый день Пасхи обязательно молились. В некоторых деревнях вспоминают, что именно на Пасху молились в родовых святилищах. Каждый род приносил в свою куалу хлеб, шаньги, оставлял их там, хозяин святилища молился над ними. Шаньги потом разносились по домам. В ряде деревень в святилищах было принято молиться в другое время. Чаше молитву на Пасху совершала каждая семья отдельно. В этом случае молился глава семейства - дедушка или отец. Молились с хлебом, иногда кто-то из детей держал при молитве рядом и кружку с пивом. Семейное моление совершалось во дворе усадьбы. Н.И.Фазиулин из Кирги вспоминает, что в их семье на Пасху молились дважды: первый раз с хлебом, смазанным яичным желтком, а второй - с кашей. Тухватова Меннур из Большого Гондыря рассказывает, что ее отец в этот день молился также духу голбца, три раза он заходил в голбец с кашей и зажженной лучиной, помолвившись перед этим во дворе. Кашу и лучину оставляли в голбце.

Вечером этого дня и в течение следующих взрослые ходят по гостям, по родственникам, на Пасху приезжали и гости.

Быдзынал заканчивался в конце недели поминками по умершим. "Для поминок, продолжающихся три дня, готовят блины, лепешки, а в состоятельных семьях режутся овцы, телки. Садясь за стол, на кото ром перед хлебом горит восковая самодельная свеча, старший в семье, надев шапку и взяв в руки на полотенце хлеб, громко приглашает умерших родственников разделить трапезу. Во время обеда в отдельную миску для "присутствующих" за столом умерших родственников складывается по кусочку от всех яств, и все это потом скармливается собакам".³⁹

Проводы Пасхи (*Быдзынал келян*), совершаемые через неделю, заключаются в совершении особой молитвы. Основное содержание молитв, произносимых в это время - испросить благословления Бога на период предстоящих полевых работ.

“ЙО КЕЛЯН” (ПРОВОДЫ ЛЬДА).

Во время весеннего половодья, ледохода, удмуртская молодежь вечерами ходила провожать лед. В кудинских деревнях этот обряд называют *йо келян*, *ву келян*. Молодые парни и девушки веселились на мосту, пели и плясали под гармошку. С берега они толкали лед баграми, рубили его топором, жгли на нем солому. Но провожать лед было принято не во всех деревнях.

ОБРЯД НАЧАЛА ВЕСЕННИХ ПОЛЕВЫХ РАБОТ (“ТУЛЫС ГЕРЫ”).

Начало посева сопровождается праздником *тулыс геры*. Сроки его проведения в каждой деревне определялись на деревенском сходе. В назначенный день каждая семья выезжала в поле на свою полосу. Перед этим каждый хозяин молился дома, чтобы Инмар послал в этом году хороший урожай. На яровой полосе каждый хозяин распахивал несколько сажень земли. На вспаханное место стелили белую скатерть или полог, на который клали хлеб, яйца, шаньги, привезенные с собой. “Старший из семьи, взяв в руки хлеб и яйца и обращаясь к востоку, просит Бога об урожае, чтобы выросло от каждого зерна тридцать соломинок, в двенадцать колен каждая, чтобы зерно было полно как яйцо и цветом как серебро.”⁴⁰ За этой молитвой обычно следовал первый посев. В лукошко с зерном клали также яйца. Одно яйцо старались спрятать под землю, оно предназначалось Ангелу земли - *Му Кылчину*. Остальные яйца разбрасывались вместе с зерном. Закончив сев, маленьких ребятишек заставляли собирать эти яйца.

ПРАЗДНИКИ-МОЛЕНИЯ.

После окончания весенних полевых работ наступало время больших праздников-молений с жертвоприношениями. Время проведения каждого моления обсуждалось на деревенском сходе: назначали день проведения и жреца, который будет совершать *куриськон* - моление. Вечером, накануне дня моления, староста обходил деревню и предупреждал, что завтра будет праздник, что нужно печь молельный хлеб. Животное, предназначенное для жертвоприношения, покупалось на общественные деньги, которые ходили собирать по домам. Эти деньги мыли, так как считалось, что деньги, взятые для моления, должны быть чистыми. На собранные деньги покупали скотину, а ее владельца и становился помощником главного жреца, закалывал животное и свеживал тушу.

Как уже отмечалось, для каждого моления существовало свое святое место. Провести все моления в деревнях старались до начала сенокоса. В каждой деревне существовал свой, особый набор молений, который не повторялся в других деревнях. Часть молений с жертвоприношениями совершались отдельно каждой деревней, на другие съезжались жители всей округи. Мы остановимся лишь на некоторых праздниках, которые проходили в прошлом у куединских удмуртов.

После посева яровых проходил *пужмерлы вось* (моление инею). В жертву на молении приносили серую овцу, а в молитвах просили Бога, чтобы он избавил посевы от тяжелого дождя, града, инея, заморозков. В д. Кипчак молились всю ночь. Кости и шкуру принесенной в жертву скотины закапывали в землю.

Самым большим праздником в Кипчаке считалось время проведения *чожиныйдор вось* (букв: моление утиного клюва), на которое собирались жители всех удмуртских деревень округи. Во время моления в жертву приносили уток. Большие праздники проходили в с.Кирга. Ежегодно на берегу Буя проводили *Буэ дюк вось*.

Раз в три года жители округи собирались на святом месте возле с.Кирга на окружной *элен вось*. Моление, как вспоминают старожилы, длилось двенадцать дней. В течение двенадцати дней горели жертвенные костры. В каждый из этих дней одна из деревень приносила жертвы. В последний день на жертвоприношение собирались жители всех деревень. На каждом молении жрец обращался к Богам с прошениями. "Спаси, Инмар-Бог, посевай от стихий, от града, чтобы не пришли ураганные ветры, спаси Бог от молнии, от пожаров, пусть все растет при хорошей погоде, чтобы зерно было крупное, полное, на полях стояли бы густо суслоны, кабаны стояли бы густым-густо. Дай Бог здоровья убрать урожай своевременно, на счастье людей заполни амбары сухим зерном. Сохрани, Бог, засыпанное зерно до посева, до нового урожая". Последний раз окружное моление состоялось в 1930г.

Раз в три года жители деревень Кирга и Новая Кирга (Янаульский район Башкортостана) собирались на месте старой деревни и проводили моление. По преданию, жители этих деревень поселились на одном месте, стали строить дома, распахивать землю, но вскоре небольшой ручей, на котором стояла деревня, пересох, и жители стали искать новое место для поселения. Часть жителей поднялась вверх по течению реки и образовала Новую Киргу, а часть - спустилась к реке Буй. В память об этом крестьяне и проводили общее моление.

В д. Барабан устраивалось трехдневное моление *эсет вось* (*Эсет* - удмуртское название деревни Барабан). Первые два дня на святое место приходили только жрецы, разводили жертвенный огонь и поддерживали его до общественного моления. На третий день начинали приезжать деревенские и гости. Сама молитва начиналась после обеда и заканчивалась вечером.

В каждой деревне существовало свое время, когда разрешалось молиться в Керемете - особом святом месте. Молиться в Керемете могли только мужчины. В Удмурт-Шагирте *Керемет вось* проводили вместе с Гожаном. Так как раньше поля были огорожены и разделены на озимые, яровые и пар, то в зависимости от того, на каком поле был Керемет, приносились определенные жертвы. Если на Керемет приходилось озимое поле - жертвовали жеребенка, на яровое - серую утку или овцу, на пар - молились только хлебом. В Кипчаке моление в Керемете проходило около Ильина дня.

В советское время моления с жертвоприношениями были запрещены, и с того времени крупные моления не возрождались. Только в последнее время предпринимаются попытки возродить языческие праздники.

В советское время большим праздником, отмечаемым ежегодно, стал сабантуй, заимствованный у башкир. Начало традиции празднования

сабантуя относится к началу нашего века. Когда были запрещены моления, он органически заменил языческие праздники и жертвоприношения, которые совершались после весенних полевых работ. К тому же смысл праздника и его элементы: соревнования, скачки на лошадях, игры, пляски, - существовали и в прошлых праздниках, но не были их основной частью. И в настоящее время сабантуй отмечается во всех удмуртских деревнях.

В июне удмуртами отмечается также *семых*, особого празднества в этот день не было, но обычай оговаривал, что до семика нельзя купаться и заготавливать веники. Само название семика, видимо, заимствовано еще до переселения на новую родину. Уже в к.ХІХ в. к удмуртам проникают элементы троицких обрядов. *Семых келян* - так в удмуртских деревнях называют Троицу, в этот день часто ходили в гости в соседние русские деревни, на луга, смотрели, как девушки бросали в воду березовые венки, водили хороводы. Через неделю после Троицы, в Заговенье, на Вотских лугах, возле р.Буй, играть "о круга" - водить хороводы - собирались жители всех окрестных деревень: русские, удмурты, башкиры. Участие в русских праздниках мы наблюдаем в тех деревнях, которые были расположены недалеко от русских: Кипчак, Гожан, Удмурт-Шагирт.

Уже редко кто вспоминает, что летом также молились в родовых куалах. "Для весенних жертв воршудам в куалах собираются девушки и женщины со свежими березовыми ветками в руках. Жрец, обыкновенно хозяин куалы, сжигал хранившиеся на полке осоку и ветки ели и вместо них кладет туда березовую, которая осенью и зимой вновь заменяется осокой и елкой"⁴¹. Так проходил этот *вось* в ХІХв.

В засушливые, неурожайные годы к Богам обращались с просьбами об урожае, дожде. В 20-ых гг. нашего века в с.Кирга "искали Кылчина" Считалось, что раз несколько лет продолжался неурожай, значит Кылчин - Божий Ангел, хранитель посевов, оставил поля. В засушливое лето проводили *саптаськон вось*. Этот обряд дожил до наших дней, и в засушливое время его совершают во многих деревнях. В обряде участвуют, в основном, женщины и подростки. В назначенный день все собираются с ведрами в условленном месте. Собравшиеся обходят всю деревню, обливают водой попавших им навстречу, брызгаются. Обязательно заходят на кладбище, где водой обливают могилы предков. В засушливое лето, чтобы вызвать дождь, также полагалось поливать водой могилы утопленников. После обхода деревни участники обряда шли собирать по домам крупу и масло для каши, которая будет сварена на молении. Вечером проходило само моление, в большинстве случаев совершали моление с кашей, но иногда жертвовали черных баранов: одного барана бросали в реку, а второго закалывали и варили в котлах. Черный цвет жертвенного животного олицетворял темный, черный цвет дождевой тучи.

Ильин день, 2 августа, отмечается удмуртами как день нового урожая. В этот день полагалось печь ржаной хлеб из свежей муки. Во многих семьях в этот день резали барана, и глава семьи, как и в другие праздники, молился во дворе усадьбы.

ОСЕННИЕ И ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ.

Уже после уборки начинались осенние праздники и моления. Они не столь многочисленны как летние, и совершаются обычно отдельно каждой деревней. Особым праздником был молодежный *вось* (*Урвось*, *Ураквось*). Для моления молодежь собирала по деревне мясо и крупу, обычно хозяева предлагали бычий хвост. Молиться приглашали старика. После моления принято было раскидывать головешки от костра, но зачем, никто из старожилов уже не вспомнил.

Самым большим осенним праздником считался *куриськон*. Хотя отмечали *куриськон* в каждой деревне, сроки его проведения были различны. Обряды и действия, совершаемые в это время, во многом схожи с теми, которые мы наблюдали на Пасху. Глава семейства молился во дворе усадьбы, в молитвах благодарил Бога за полученный урожай, просил, чтобы он помог сохранить его до посева. В последний день *куриськона* проводили осеннее поминовение умерших.

Праздник *куриськон* и моление духу голбца, которое часто совершалось в это же время, старались провести до Покрова (*Пухров*). В некоторых семьях в подполье молились в Покров. На Покров было принято засыпать землю вокруг дома, конюшен: после Покрова ждали холодов.

Одним из самых больших было зимнее моление, которое совершалось уже по снегу. В священной роще между д.Б.Гондырь и Барабан собирались жители всех удмуртских деревень, кроме Гожана и У-Шагирта. Наиболее полное описание моления относится к XIX в. "Надев шапку, жрец взял на белом утиральнике лепешки из пшеничной муки и обратился к востоку с молитвами. Громким голосом, нараспев, он начал выкрикивать свои просьбы к Инмару. Жрец просил, чтобы Инмар принял жертву, дал бы хороший урожай, избавил от болезней. Последнее слово молитвы *Оминь* подхватывалось всеми, находящимися у костра, стоявшими на коленях без шапок. Помощник в это время обмывал и связывал животное. Положив затем хлеб под дерево, жрец взял в ладонь лычко и, положив его на ладонь, а на него топор, вновь стал молиться, чтобы жертва была хороша. Три раза обошел вокруг костра и животного... С лычка были топором срезаны небольшие кусочки и брошены в огонь и в сторону, а затем лычко положено на землю и перерублено топором. Топор так и оставался воткнутым в землю. Обряд этот имеет существенное значение в ритуале жертвоприношения. После помощник зарезал животное ножом. Кровь была собрана в корыто. Первые капли жрец вылил ложкой в костер, затем кровью из ложки облил ближайшие деревья. Пока животное свежесалось, жрец читал молитвы, а вотяки молились. Таким же порядком у других костров готовились к жертвоприношению другие животные. Все животные посвящались разным Богам. Жеребенок -Инмару, теленок - божеству, живущему на солнце..., гусь - большому Ангелу... В котлах

варилося мясо, подходили новые группы вотяков с провизией. Вотyak, подхoдя к кoстру, жертвеннoму мeстy, oбтирал снегом руки, зaтeм дoстaвaл из кoшeлa кaкую-нибудь мeлкyю мoнeтy и пoлoй зипунa пoдaвaл ee жрeцy и стaнoвилcя нa кoлeни в ряды мoлящиxся."⁴² Зимнee мoлeниe прoхoдилo двa или тpи днeя.

В У-Шагиртe и Гoжaнe зимний *вoсь* прoвoдилcя oтдeльнo cвoeй дeрeвнeй. В У-Шагиртe oн прoхoдил прямo нa улoцe *Кaкcялaл*, в жeртвy принoсилacь пapa бeлых гycей.



Рис. 6. Особая белая одежда существовала для молений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРЕДАНИЯ, БЫЛИЧКИ, ПОБЫВАЛЬЩИНЫ

ВУЖГУРТ (Старая Деревня)

“Старые люди рассказывают, что сначала деревня Кипчак возникла на другом месте, в пойме реки Буй. Это место и называется ныне Старой Деревней. Но весной это поселение затопило разливом реки, утонул петух. И тогда решили переселиться на новое место, в сторону от реки Буй. Поднимались по маленькой речке - притоку Буя. Один мальчик перепрыгивал речку, наговаривал “кыр-чаг”. Когда его спросили, зачем он так наговаривает, он ответил, что там, откуда мы пришли, из-за Камы, есть такая же речка с этим названием. С того времени наша речка и деревня носят такое название.”

ПЕГАН КОЖ (Беглецкий полуостров)

“На Буе есть место Пеган Кож, как полуостров, теперь за Вильгуртом. На этом полуострове удмурты всегда спасались за болотами в лесу, когда башкиры или марийцы нападали на наши деревни и жгли их.”

ВЕРХНИЙ ГОНДЫРЬ

“Как старики рассказывают, когда сюда на Буй пришли удмурты, то часть племен решила переселиться подальше от Большого Гондыря. Они двое суток плутали по лесам и болотам, пока не нашли хорошего места, где и поселились. Но скоро услышали пение петухов, и оказалось, когда послали узнать, откуда это, что они остановились совсем недалеко от Большого Гондыря, по той же речке. И назвали свою деревню Верхним Гондырем.”

(с. Б. Гондырь, от В. К. Никитина)

РАССКАЗЫ ПРО БОЖЬЕГО АНГЕЛА - КЫЛЧИНА

“Кылчин - это Божий Ангел, он спускается на землю, ходит по домам, ходит по межам на полях, сейчас-то этих межей нет, вот его и не видно. Он охраняет посевы, поэтому спать на меже нельзя. Мне мама всегда это говорила. А я еще маленькая была, уснула один раз на меже. Проснулась и вижу: Кылчин идет с Инмаром. Одеты во все белое, борода длинная седая. Я испугалась и убежала.”

(д. Кипчак, от М. Шабакужиной, 1921 г. рожд.)

“Мы с бабушкой как-то раз в Удмурт-Шагирт ходили из Гожана.

Обратно-то шли, и нас застала гроза. Мы залезли под дерево и долго там сидели. Бабушка сидела и все про себя молитву читала: "Остэ, Инмаре! Остэ, Инмаре!" (Господи, Боже!). И вдруг возле нас в елку ударила молния и расщепила елку. Мы сильно испугались. Бабушка потом нам сказала, что это Кылчин спустился."

(пос. Куеда, от М. Н. Порываевой, 1948 г. рожд.)

"У нас в деревне один раз Кылчина ловили, это где-то в двадцатых годах было, еще до колхозов. Несколько лет был неурожай, и считалось, что это Кылчин оставил наши поля. В конце мая поехали его искать. Привезли из соседней деревни слепую старушку, чтобы она помогла. Выбрали девушек, которые будут петь песню. Они в стороне поля пели. Запрягли в тарантас лошадь желтой масти и поехали по полям с этой старушкой. Ездили до тех пор, пока не поймали желтую бабочку. Она села на лошадь и на одну из девушек. Получается, что Кылчина поймали. И в этот год был урожай. Бабочка садится только на счастливого человека. И девушка, на которую она сядет, не должна выходить замуж в другую деревню. А эта девушка не послушалась - и жизнь у нее не сложилась."

(с. Кирга, от Н. И. Фазиулина, 1917 г. рожд.)

ВУ КУЗЕ (хозяин воды)

"Мне одна женщина рассказывала, что один мужик видел хозяина воды. Он хотел искупаться и видит: плывет по Бую огромный бык. А другая женщина видела длинноволосую женщину, та сидела на берегу и как ее увидела - прыгнула в воду. Он может хоть кем быть, говорят."

(д. Кипчак, от М. Садыретдиновой, 1920 г. рожд.)

КОРКА КУЗЕ (хозяин дома)

"Он есть в каждом доме. Мы новый дом построили, нары там были. На нарах много подушек лежало. И там постоянно кто-то спал на подушке, как кошка, но не кошка. Шерсть на подушке оставалась. Мы думали, это "корка кузе". У которых хозяин дома - женщина, у которых - мужчина. Если женщина - работают без усталости, а дома не ладится, живут плохо. Если мужчина - живут хорошо, работают быстро. В новый дом когда переезжаешь, говорят: "Хозяин дома, ойда с нами в новый дом, этот дом пусть останется."

ГИД КУЗЕ (хозяин конюшни)

"Люди сами ему говорят: "Смотри за нашей скотиной". Скотина умирает - каравай хлеба маслом намажут и положат на столб в конюшне, чтобы плохо не было."

(д. Кипчак, от Ч. Суйфиевой, 1910 г. рожд.)

“Ночью курицы не видят. Пришла один раз поздно домой, заходить уже стала, а на улице курица бежит и клюется. Это значит “гид кузе” - старшие сказали.”

(с. Кирга, от Г. Суйфиевой, 1930 г. рожд.)

БАКЧА КУЗЕ (хозяин огорода)

“Чтобы маленькие в огород не бегали, их пугали. У меня сестра говорила, что нельзя в огород ходить, там в красной тюбетейке мужик живет. Мы боялись.”

(д. Кипчак, от М. Шабакузиной, 1921 г. Рожд.)

ГУЛБЕЧ ТАКА

“У нас родители за домового не молились. Грохот в подполе поднялся. Как будто кто-то под полом кругом бежит. Бежит, бежит, подбежит к переднему углу и как ударит в стену, как баран. Опять круг бежит и снова - в стену. Это затемно еще было, а родителей дома не было. Мы испугались, кто это у нас в подполье. Солнце взошло, пригласили соседку, собрали подружек, старушку нашли. Залезли в подпол, все проверили, никого нет. А один у выхода стоял - ничего не видел. Все ушли, а мы остались, опять грохот. Мама пришла, пошли к старушке. Та сказала, что долго не молились. Старушка пообещала помолиться и закрыть гулбеч таку. На следующий день кашу сварила, помолились, старушка кашу в подпол поставила. Уже стука не было.”

(д. Кипчак, от З. Муратишиной, 1936 г. рожд.)

МУНЧО КУЗЕ (хозяин бани)

“Раньше все это говорили. Сидят, придут вечером, чуть не дыбом волосы встают, как про НИХ начнут говорить. Один раз вот как было. В Куриськон в банях играли. И вот кто-то идет в баню, там вроде песни поют, чуть не пляшут. Баню открывают, а там никого нет - хозяин бани, говорят.”

(д. Гожан, от Т. Байрангулова, 1916 г. рожд.)

“Первый раз в баню заходишь, просишь, чтобы она долго стояла, все хорошо было. А хозяин бани есть, я сама видела. Зашла раз я в баню и вижу: сидит на полке голая женщина. Встала с полка и согнувшись пошла ко мне, я испугалась и убежала.”

(д. Удмурт-Шагирт, от Ф. Байрамишиной, 1905 г. рожд.)

КОЛДУН

“Это в Кипчаке ли где было, а мне бабушка рассказывала. Все в деревне удивлялись одному мужику. Все-то он знает, все-то умеет. Но какой-то странный он был, не как все. Ничего с ним никогда не случилось,

никогда он не болел. И другая странность была в деревне. Каждую ночь, в полночь, появлялся в деревне жеребенок. И только видели, как скакал он ночью по деревне, по кладбищу, а днем его никто не видел, и никто не знал, чей это жеребец. Одну девушку стали выдавать замуж. Уже обо всем договорились, и она вдруг заболела, и все женихи от нее отвернулись. Потом точно так же произошло с другой девушкой. Стали думать на этого коня. И решили тогда его поймать. Долго ловили, все молодые парни деревни ловили его. Поймали, пригласили ночью кузнеца и подковали его на два передних копыта. Подковали и оставили возле одного дома, у ворот. А утром его не стало. Потом прослышали, что мужик этот странный заболел. Пришли тогда к нему, а он весь закрытый лежит, стали спрашивать, что болит, он говорит, что ничего. Так ходили несколько раз. Один раз парни осмелились и стянули с него одеяло... а у него на руках подковы прибиты. Очертили его дом железом по земле. И больше не стало в деревне таких странностей.”

КОЛДУНЯ

Гусь странный ходил до деревне, гоготал. Девки с парнями идут с гулянья, а все гусыня гогочет. А в деревне жила девушка-нелюдимка. И парни один раз гусыне крыло ли перевязали, колодки ли на ноги одели, но только не стало больше гуся. А утром пришли к этой девушке-нелюдимке, а у нее на ногах те самые колодки и есть.”

(пос. Куеда, от М. Порываевой, 1948 г. рожд.)

“Колдунья была у нас в деревне. Пошли у нас ребята как-то по ягоды на угоры и видят, что она, колдунья, тоже на угоре. Чуть что-то замешкались, а ее уже нет. Только из травы гусь один вылетел. А гуси ведь они никогда по одному не бывают, только стадом. Видно, она превратилась.”

(д. Гожан. от М. Нурьшиевой, 1925 г. рожд.)

ПОСИДЕЛКИ

“На вечеринках сидели, рукодельничали. Дров не было, солому в избу приносили, заносили вязанками, а кто издалека приходит, тут же на соломе спали. Мужики не приходили, женщины только, подружки.”

“В бане раньше молодежь собиралась, по очереди, у кого когда. На пару с ухажерами сидели там. Гармонист с гармошкой приходил. Песни пели, загадки рассказывали, истории всякие. Это по четвергам или по пятницам и в праздники, не каждый день.”

(д. Кипчак, от М. Садыретдиновой, 1920 г. рожд.)

СВОБОДНЫЙ ДОМ

“Вот если родители у кого-то уедут или уйдут куда-то, то у того и собирались. Играли всяко, в жмурки да как да. Интересовались, когда будет свободный дом.”

(д. Кипчак, от М. Шабакузиной)

ИГРЫ

“ГОРЯЧИЕ ТАБАНИ”

Все играющие садятся в круг. Один водящий, у него в руках какой-либо предмет, например, шишка. Водящий проходит за спинами играющих и кладет у чьей-нибудь спины шишку. Играющий должен заметить шишку, встать и заменить водящего. Если сидящий в кругу не замечает шишку, водящий проходит круг, и тогда невнимательный игрок получает от водящего “горячий табань” - шлепок ладонью по спине.

“КОЛЕЧКО”

У водящего в руке кольцо, булавка или другой мелкий предмет. Играющие сидят, руки у них сложены лодочкой. Водящий “раскладывает” колечко по рукам, кому оно достанется - должен выбежать, а сидящие рядом игроки его задержать. Если первому удастся выбежать, он становится водящим, если нет - водящий остается прежним и игра начинается сначала.

“ЧИМАЛИК” (жмурки)

Водящему завязывают глаза и он должен поймать кого-то из играющих. Поймал - должен на ощупь узнать игрока. Если узнает - тот становится водящим, если нет - водящий остается прежним.

(Игры записаны в с. Б. Гондырь)

“ЛЯГУШКА”

“Водящему привязывали полотенцем голову к коленям, получалась “лягушка”. “Лягушка” прыгала и ловила играющих. Кого поймают - тот становится “лягушкой”.

(с. Б. Гондырь, от М. Тухватовой, 1923 г. рожд.)

“ТЫЕ”

Из дерева вырезали клинышек, в который вставляли одно или два гусиных пера. Число играющих не ограничено, у каждого - клинышек с перьями - “тые”. “Тые” бросают по очереди, у кого клинышек отскочит дальше от забора, тот получает гусиное перо. Победитель игры - у кого соберется больше гусиных перьев”.

(с. Б. Гондырь, от Т. Аскатова, 1935 г. рожд.)

КАТАНИЕ ВОЙЛОКА

“Договаривались, кто в какой день организует катание войлока. Там свои только собирались, двоюродные братья, сестры. Пожилые уходили из дома к родне. Друзей и подруг звали, чтобы встречались кто с кем дружит, обязательно гармошка должна быть, придумывали разные игры: по одежде или лицу с закрытыми глазами определить, кто есть. Прятали у кого-то спичку или монету, водящий должен был ее найти. Если не найдет, то пляшет или поет. Если нашел, то пляшет и поет тот, у кого нашел. Но это развлечения, а само дело какое: в котле кипятилась вода, опускают домотканое сукно в котел и держат, потом достают, с нар уберут пару плах, чтобы сесть, садятся и катают. Покатали, снова в котле мочат. И горячей водой поливали. Под нарами стояло корыто, туда вода и стекала, катали до тех пор, пока не пойдет чистая вода. Заранее к этому дню стряпали. И все это длилось за полночь.”

МОЛЕНИЕ В ОКРУГЕ

“Это у нас в Кирге устраивали такое моление. Проходило оно после весенних работ, где-то в начале июня. Но только раз в три года. Приезжали удмурты с 12 деревень. Каждая деревня имела на святом месте свое место, где стояли котлы и разводили огонь. В течение 12 дней и ночей горел жертвенный огонь, а в последний день собирались со всех деревень и проходила общая молитва. А до этого по дням каждая деревня приезжала отдельно. Каждая деревня приносила свои жертвы: телок, гусей, жеребенка. Привозили с собой стряпню, варили кашу. Над ней молились и раздавали всем, и каждый должен был ее попробовать. Все должны были быть одеты в особую белую одежду. Моление начиналось с обеда, а молились до 5-6 часов. Молодежь до молебна, пока шли приготовления, веселилась недалеко и продолжала веселиться и после молебна.”

(с. Кирга, от Н. Фазиулина, 1917 г. рожд.)

ПЕСНИ

НУНЫ ВЕТТАН ГУЙ.

Изъ, изъ, нуные,
Зарни муж чечы ваёз
Изъ, изъ, нуные,
Чебер бурдо бурд сётоз.
Изъ, изъ, нуные,
Изъ, изъ, нуные.

КОЛЫБЕЛЬНЫЙ НАПЕВ.

Спи, спи,
Бай, бай, дитятко,
Золотая пчелка меду принесет.
Бай, бай, дитятко,
Красивая птичка крылья принесет.
Спи, спи, дитятко,
Спи, спи, голубочек.

КУНО ГУЙ.

Милям гынэ азбармы пичи гынэ
Вож ожо ке ж"ужа но - дямлы н"и.
Вож ожо ке ж"ужа но - дямлы н"и.

Милям гынэ коркамы пичи гынэ.
З"еч тутангёс лыкто ке - дямлы н"и.
З"еч тутангёс лыкто ке - дямлы н"и.

Туганэз доры но туганэз лыктоз,
Адз"оз меда сое но, ой, лулыз кадь.
Адз"оз меда сое но, ой, лулыз кадь.

Адз"из ке но адз"оз но, ой, лулыз кадь.
Медаз адз"ы вал но дятэз кадь.
Медаз адз"ы вал но дятэз кадь.

НАПЕВ ГОСТЕВАНИЯ.

Наш двор маленький да,
Зеленая трава-мурава покроет (его) если - (тогда) красив.
Зеленая трава-мурава покроет (его) если - (тогда) красив-хорош.

Наша изба маленькая да,
Добрая родня (к нам) приедет если - (тогда) она красива-хороша.
Родные да к родне приедут (когда),

Почувствуют ли они (их) душой.
Почувствуют так почувствуют они (их) душой,
Пусть не отнесутся к ним как к чужим.

СЮАН ГУЙ.

Бизи но туби корказяда,
Бизи но туби корказяда,
Дюон вавуостэс утчаса,
Дюон вавуостэс утчаса.
Дю(о)н но вуды шербет вилэм,
Дю(о)н но вуды шербет вилэм,
Бай улэмкайсы зем вилэм,
Бай улэмкайсы зем вилэм.
Сьо"д нолэс сьо"рти" сьо"д пилэм лыктэ,
Сьо"д нолэс сьо"рти" сьо"д пилэм лыктэ,
Зортэк ортчоз шуод-вал-а, кыдокай,
Зортэк ортчоз шуод-вал-а, кыдокай.
Жинпыр но жанпыр ми лыктыку,
Жинпыр но жанпыр ми лыктыку,
Туннэ но куазьёсыд сэзь кадь ик,
Туннэ но куазьёсыд сэзь кадь ик.
Асьтэос сюан сектаськоды,
Асьтэос сюан сектаськоды,
Васькамиосты но сазь кадь ик,
Васькамиосты но сазь кадь ик.

СВАДЕБНЫЙ НАПЕВ.

Побежала - выбежала я в ваши сени,
(Чтобы) воды вашей испробовать - испить.
Вода ваша оказалась шербетом.
Ваше да богатство оказалось явью.

Из-за черного леса туча надвигается.
Без дождя развеется, - ты подумал, наверное, сватушка.
С шумом и звоном кода мы приехали,
Мимо проедем, - ты подумал, наверное, сватушка.

Сегодня погода вроде бы ясная.
Окно вашего тэра вроде бы открыто.
Сами вы свадьбу утощаете,
А сватовья что-то трезвые.

Тэр (то"р) - передний угол.

СОЛДАТ КЕЛЯН ГҮЙ.

Кошкисыкод , гой, кошкисыкод, гой, кошкисыкод, гой, ми кылысыком.
Тон ке кошкид, ко"шкемакым киннэс шоры учисыком.
Тон ке кошкид, ко"шкемакым киннэс шоры учисыком.

Анкай, монэ ворди"д-а но кырбалид пони"д-а?
Кырбалид шат понькыд но солдат медло шуд-а.
Кырбалид шат понькыд но солдат медло шуд-а.

Солдатлэн но миндэрез матырас но яралоз.
Отчы мыныса, тон мискинез анаед кадь кин адз"оз?

НАПЕВ ПРОВОДОВ В СОЛДАТЫ.

Уходишь ведь, уходишь ведь, уходишь ведь, (а) мы остаемся.
Если ты уйдешь, на кого же я, истосковавшись, посмотрю.

Матушка, ты меня родила и да в колыбель положила?
Когда в колыбель ты меня положила, пожелала ли, чтобы я ушел в солдаты.

(Вместо) подушки солдату да - и матрас согдится.
Туда если уйдешь, кто на тебя , бедного, словно мать, посмотрит.

(Напевы записаны в д.Кипчак от Курочкиной О.И., 1936г.рожд.,
Садыртиновой Мнезок, 1920 г.рожд., Муратишиной З.А., 1936 г.рожд.,
Гафетдиновой Нурикалал, 1921г.рожд.)

КУРИСЬКОН.

Осто, бадз'ым Инмаре, Кылчин (к)анае, чебер шунды (к)анае,
Улон-вылонъёсмы катчи мед луоз,
Кизем ю-няньёсмы камыш кадь куроен, ныль выро мед луоз.
Аминь!

ПРОШЕНИЕ (МОЛИТВА).

Господи-Боже, великий Боже,
Матушка Кылчин, прекрасная мать-солнце.
Жизнь-бытие наше легким пусть будет,
Поселянные хлеба камышовой соломой,
О четырех коленях пусть уродятся.
Аминь.

(Записано от Муратишиной З.А. 1936г.рожд., д.Кипчак.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Владыкин В.Е. Христолюбова А.С. Этнография удмуртов, Ижевск, 1991, с.13.
2. Удмурты. Историко-этнографические очерки.,Ижевск, 1993, с.53, с.60.
3. Владыкин В.Е. Христолюбова А.С. Указ соч.,с.15.
4. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1904.
5. Тезяков Н.И. Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников // Новое слово, 1896,
Тезяков Н.И. Вотяки Больше-Гондырской волости. Чернигов., 1892.Тезяков Н.И. Вотяки Больше-Гондырской волости //Земский врач, 1881,40.
6. Яковлев И.В. Из жизни пермских вотяков Гондырского края. // Известия общества археологии, истории, этнографии при императорском Казанском университете., Казань, 1903, т.19, вып. 3-4.
7. Насибуллин Р.Ш. Закамские говоры удмуртского языка . Автореферат дис...канд. ист. наук. М.,1969.
8. Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988. Он же Микроэтнонимы удмуртов. // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск,1982.
Он же. Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.
- Атаманов М.Г. Владыкин В.Е. Погребальный обряд южных удмуртов. // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов,1985.
9. Черных А.В. Куединские (буйские) удмурты. // Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии.,вып.1.,Пермь,1994.
10. Миллер Г.М. История Сибири. т.1, М-Л.,1937,с.338. . Насибуллин Р.Ш. О названии удмуртских деревень бассейнов рек Буй и Быстрый Танып . // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973.
11. ГАПО Ф.177, оп.1, д.1944, л.171.
12. Там же. л.54.
13. Там же.
14. Там же. л.170 (оборот).
15. Там же. л.6,7,12 (оборот).
16. Тезяков Н.И. Вотяки...//Земский врач, 1881,40.
17. Данные районного отдела статистики.
18. Сепеев Г.А. Восточные марийцы, Йошкар-Ола, 1975, с.17.
19. Тезяков Н.И. Вотяки...// Земский врач, 1881,40.
20. Там же.
21. Там же.
22. Освящение храма в Большом Гондыре ...// Пермские епархиальные ведомости, 1897, с.218.

23. Осинский земский календарь на 1916 ,Оса, 1916, с.233.
24. Тезяков Н.И. Праздники и жертвоприношения...// Новое слово, 1896, 4, с.5.
25. Тезяков Н.И. Вотяки...// Земский врач,1881,40.
26. Удмурты: историко-этнографические очерки, Ижевск, 1993,с.233.
27. Тезяков Н.И. Праздники и...с.3.
28. Удмурты: историко-этнографические...с.233.
29. Тезяков Н.И. Праздники и ...с75.
30. ПГО-в Освящение храма в Большом Гондыре...// Пермские епархиальные ведомости,1897, с.20-219.
31. Тезяков Н.И. Праздники и... с.9.
32. Осинский земский календарь на 1916, Оса,1916,с.216.
33. Тезяков Н.И. Праздники и...с.9.
34. Осинский земский календарь на 1916, с.216.
35. от Садиахматова Касима, 1922г.рожд., д.Кипчак.
36. Яковлев И.В. Указ. соч. ...с.7.
37. Там же .с.11-12.
38. Тезяков Н.И. Праздники и ...с.4.
39. Там же с.4.
40. Там же с.5.
41. Там же с.6.
42. Там же с.8.

Автор благодарит кандидата исторических наук, доцента кафедры истории России Г.Н.Чагина, директора Пермского областного краеведческого музея С.А. Димухаметову, научных сотрудников М.А. Наюльских, О.А. Сидорову за помощь в проведении и организации экспедиций; областной творческий центр, Т.М.Санникову и В.В.Жука за помощь в организации издания; фирму «Homo Ludens Company» за предоставленные технические средства и верстку издания; Е.Б. Бойкову, Т.Г. Владыкину за расшифровку полевых материалов, а также жителей удмуртских деревень Куединского района с которыми нам посчастливилось встретиться во время экспедиций.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ	4
ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ	5
РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ	6
ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ	7
ОБРАЗОВАНИЕ	8
БЫТ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	8
РЕЛИГИЯ	14
СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ. СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА И НОВОСЕЛЬЕ. .	17
ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЁНКА.	18
ПРОВОДЫ В СОЛДАТЫ.	21
СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.	23
“ЧОЖИ КАРОН”	28
“ШЫД СИЕН”, “СИЛЬ СИЕН”	29
“ЗЯЗЕГ ИШКОН”, “ЧОЖ ИШКОН”	29
КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ.	30
“ВОЙ” (МАСЛЕНИЦА).	31
“БЫДЗЫМНАА” (ПАСХА).	32
“ЙО КЕЛЯН” (ПРОВОДЫ ЛЬДА).	34
ОБРЯД НАЧАЛА ВЕСЕННИХ ПОЛЕВЫХ РАБОТ (“ТУЛЫС ГЕРЫ”).	35
ПРАЗДНИКИ-МОЛЕНИЯ.	35
ОСЕННИЕ И ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ.	38
ПРИЛОЖЕНИЕ	40
ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, БЫЛИЧКИ	40
ИГРЫ	44
ПЕСНИ	46
КУРИСЬКОН.	49
ПРИМЕЧАНИЯ.	50
СОДЕРЖАНИЕ	52

